СЕРГЕЙ КЛЫЧКОВ

ИЗБРАННАЯ ПОЭЗИЯ

СЕРГЕЙ КЛЫЧКОВ

ymca-press

СТИХОТВОРЕНИЯ

Составитель М. Никё

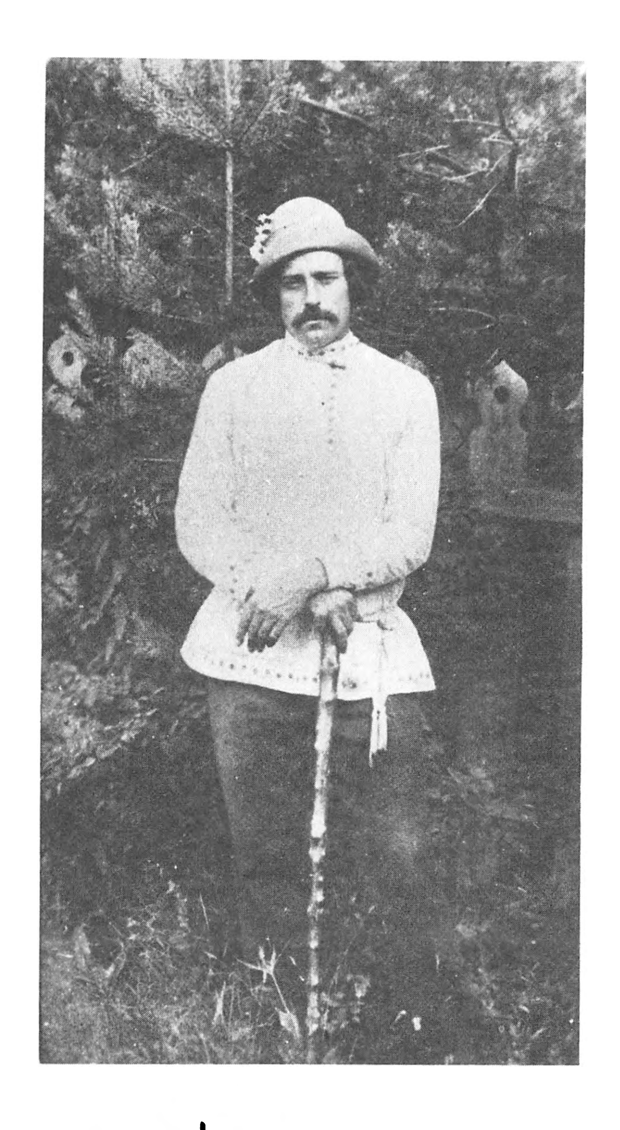
YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris

1985

Обложка работы А. Ракузина
(использована гравюра В. Фаворского)

ISBN 2-85065-068-4

Сергей Клычков 1913

ОБРЕЧЕННЫЙ ЛЕЛЬ

Открыв в 1923 году, как по наитию, "новое царство", – царство прозы (поэтической), Клычков "как поэт не требовал признания. Он был скромен".[1] "Тихий лирик" стал одним "из самых видных прозаиков 20-х годов",[2] но не перестал писать стихи. Разные поэты ценили его лирику. Ширяевец, который "упивался" поэзией Клычкова, сообщает, что Клюев говорил, что у него "хрустальные песни".[3] Для Есенина, в *Ключах Марии*, он "истинно прекрасный народный поэт". Для Ахматовой, при ее крутом мнении о Есенине ("раздраженный Блок"), Клычков был "своеобразный поэт. И ослепительной красоты человек".[4] С любовью относился О. Мандельштам к Клычкову, которому посвящена третья часть "Стихов о русской поэзии".

"Не парфюмерией, не модным будуаром, а расцветающим полем дохнула на нас поэзия Сергея Клычкова", писал В. Львов-Рогачевский в 1913 году. Тот же критик не без преувеличения окрестит Клычкова "крестьянским Фетом" в 1919 г. Именно "свежестью" первые два сборника Клычкова, *Песни (Печаль-Радость, Лада, Бова)* и *Потаенный сад*, привлекли внимание критиков (в том числе Брюсова, Волошина, Городецкого, Гумилева), заваленных всевозможными нежизненными или вычурными книжками начинающих поэтов. Но не в этом особенность ранних стихотворений Клычкова, а в своеобразном восприятии природы, которое будет присуще и Клычкову прозаику.

Народное творчество знало олицетворение времен года. Клычков воплощает любое природное явление в образе и

действиях живого существа: наступает ночь; по селу идет колдун в онучах. Не сразу догадаешься, что на самом деле, может быть, никакого нет колдуна, а "потухает туманный денек":

Борода у него – мелкий дождичек,
В бороде у него – дуга-радуга,
А в руках подожек-подорожничек!
("Колдунок")

К Ладе, управляющей весенне-летними работами и днями рядом с мифическим и вместе с тем реальным Дедом, едет сват: наступает осень ("Сват"; см. также "Невеста"). Лада прядет, и "виснет пряжа за окно", – снег покрывает землю. Красногривый Горбунок свалил "воз тяжелых облаков" – это гремит гроза. Вот и восход солнца из облаков:

А в тумане над лугами
Сбилось стадо в кучу,
И бычек бодает тучу
Красными рогами. *("Леший", 1910)*

Такое метафорическое мифотворчество порождает стихотворения-притчы с колеблющимся значением, в которых одна реальность намекает на другую реальность. Антропоморфическое видение природы уступит место в начале 20-х годов конкретной пейзажной лирике и незатейливой исповеди души, но одновременно перейдет в прозу, где оно расцветает пышными метафорами: главка "Черная телега" в *Сахарном немце* – развернутая метафора грозы-грохочущей телеги. Описание хмурого северного неба, в начале *Чертухинского балакиря*, восходит тоже к "Колдунку":

"Век по-за-околице ходит солнце за облаком, сощурившись на болота и гати, и редко выпадет час, когда, словно странники, упершись в дальние взгорья дождевым кривым подожком, уйдут облака в полуночи на самый край чертухинского всполья..."

Колдунок здесь заменен странниками, и присутствует сравнительный союз, но это все еще и есть то "заставление мира земною предметностью", о котором писал Есенин в 1918г.

в *Ключах Марии*, когда его наиболее близким единомышленником был Клычков. Сопоставление ранних стихотворений Клычкова с его прозой 1924-27 гг. свидетельствует об органичности его мировосприятия и исключает всякую стилизацию ("самое злейшее злодейство в искусстве", по мнению самого Клычкова), которая обычно быстро уступает место другому стилю, как у Бальмонта, Городецкого, А.Н. Толстого...

Если теперь эти же стихотворения-притчи рассмотреть не только как антропоморфические картины природы, но и как картины души, то в них обнаруживаешь главные антиномические начала творчества Клычкова в целом: "печаль-радость", "земля и небо, плоть и дух". Поэт и друг Клычкова П.А. Журов дал первое глубокое толкование творчества Клычкова, определив его "основной миф" как "миф двойного мирового начала":[5] он выражается в образах Лады (чистый дух, "солнечная вечная женственность") и Бовы ("жертвенная плоть мира, вечная мужественность"), в мотиве радости-печали с преобладанием второго – мотива грусти, смерти, мировой ночи и плоти мира ("Торова-гора"). Мотивы Лады-Бовы повторяются в *Домашних песнях* и в романах в человеческом аспекте, с ярким дуализмом жизни и смерти, добра и зла. Мотив скорби, отчаяния, раздвоения, потерянности (соответствующий "конкретному мифу" романов, т.е. фабуле) преобладает в *Домашних песнях* над мотивом отрешенности, примиренности, радости, соответствующим "нормативному мифу", идеальному мифу, выражающему монистическое понимание мира; такой миф, в котором находит примирение первоначальная антиномия духа-плоти, дан в сказке об Ахламоне в *Сахарном немце*, в книге "Златые Уста" в *Чертухинском балакире* и, добавим от себя, в образе лешего Антютика и в легенде о Блудной царице в *Князе мира*, где действительность сильнее идеала. Интересно сравнение, проведенное П.А. Журовым, мифотворческих стихотворений Клычкова с блоковской лирикой. Тот же "Колдунок" можно сопоставить с стихотворением "На весеннем пути в теремок..." из *Пузырей земли*: в обоих стихотворениях колдун – враждебен светлому началу. "Образ колдуна дан в образах природы, он космичен: и в небе, и на земле, он колдовское, темное в мире.

Его движения – магические. Он знаменует, несет с собой мглу, печаль, смерть. Для обоих поэтов колдун не условно романтическая тема, а реальная значимость".

С молодости Клычкову было присуще чувство гибели, обреченности: "Вот поэзия: павлин, прекрасный солнечный павлин, распустивший свой жемчужный хвост на грязном дворе. Что было бы, если бы этому павлину выдрать хвост. А ведь понемногу, понемногу выдерут! Умрет прекрасный павлин /.../ Укатится с горки прямо... черту в рот".[6]

"Радостной отсрочкой У волшебницы слепой" – вот чем всю жизнь была поэзия для Клычкова. Заклинание смерти и источник восторга ("Любовь моя, солнышко мое, – милая, прекрасная Муза! И как это Бог ухитрился создать тебя![7]). В поэзии и через поэзию обретается смысл жизни. Вот определение творчества: "Это послушание, долгое послушничество, приступление к Вышним, к Сущим вне нашего ока и вне нашей души! Только в этом для меня соль и значение моей беспутной жизни!"[8]

Клычкову "свойственна была какая-то неизбывная печаль", вспоминает П.А. Журов. И он все пел, чтобы рассеять эту печаль. Но пришла война, которую Клычков предчувствовал:

И сгустила туман над полями
Небывалая в мире печаль.

Теперь уже не печаль-радость, а Живот и Смерть правят миром. Сказочный теремок Клычкова становится утраченным раем. Маленькие лирические стихотворения уже не могут вместить страшный опыт железного века: переход к прозе, к крупным сказовым формам, обусловлен испытанием войны, поставившей новые метафизические и творческие задачи.

Мы остановились подробно на ранних стихотворениях Клычкова, чтобы показать, что это не просто песенки на народный лад или "славянская Аркадия" (Н. Гумилев). Они составляют фундамент клычковского творчества, в них уже даны главные мифологемы будущих романов. Клычков – настоящий поэт-символист, символист от рождения (рождения в лесу...),

ибо он ни к какой поэтической школе не принадлежал. Для Клычкова поэзия – "перевод с языка безмолвия души на язык повседневности, человеческого обихода".[9]

Остальные сборники меньше нуждаются в комментариях. В них поэт выступает более непосредственно. К испытаниям войны прибавятся и испытания любви. Тщетно уверял Клычков критиков, что "мало разумно любовную лирику расценивать на граммы политической символики, за немудреным плетнем неудавшейся домашности разыскивая злостного политического пессимиста".[10]

Травлю, которую отражают некоторые стихотворения из сборника *В гостях у журавлей* унялась к 1932г., но Клычков не очень верил в раскрепощение искусства. Отвечая "индусскому поэту" Эбиб-Вафу, который заявил: "Мы будем писать о ласточке, но заставим лететь ее не туда, куда ей хочется, а куда нам надо", – Клычков сказал на заседании правления ВССП, посвященном обсуждению постановления ЦК от 23 апреля 1932 о ликвидации РАПП:

"Странная и может вредная дрессировка ласточек! Ласточка на поэтическую дискуссию РАППа не полетит, ей там делать нечего, если она только магами и волшебниками не будет обращена в ворону. Если мы останемся по-прежнему на прежних дрессировочных позициях РАППа, то никакое изменение в структуре организации литературных объединений не принесет пользы: важно, чтобы после постановления ЦК ласточка смогла лететь, куда ей хочется! Иначе она петь, щебетать не будет! А ведь нам, насколько я понимаю постановление, важно именно не пенье, нам нужна литература, искусство! Я верю в возможность художественного самоопределения художника и потому испытываю радость при чтении исторического постановления! Может я ошибаюсь!"[11]

Клычков не ошибся в своих опасениях: его собственное творчество оказалось окончательно прерванным. Осталась лишь возможной переводческая деятельность (обширная). Открытой рапповской дрессировки уже нет, но слышно, как за дверью "ворочается время Как в глухой берлоге зверь". Мрак и страх подступают к душе, но ее не сломают:

Вечно лишь души сиянье,
Заглянувшей в мрак и тьму.

* * *

В своем поэтическом языке Клычков стремится осуществить тот синтез "духа" и "плоти", к которому тяготеют герои его романов:

"Материя слова, дающая внешние формы и "дух" слова – ангел, стоящий за его плечами с мечом и чашей, – и здесь ведут свою исконную борьбу, покоряя и покоряясь друг другу. Литургическое слияние духовного и плотского в слове, в пропорции, соответствующей данной творческой индивидуальности, и будет стилем".[12]

Главным было всегда для Клычкова чувство "меры, пропорции и простоты". Стихотворство не "тригонометрия", а "азбука". Клычков не из тех поэтов и критиков, которые "зубы каждому слову считать лезут", ибо "слово, пришедшее и на поводу приведшее с собой другое слово, как дареный конь. Цыган вон и из клячи рысака делает". А Пушкин: "Из мелкой сволочи вербую рать". Для Клычкова "все слова хороши", "все зависит от того, как слово брачуется с другим словом, как оно берется с другим словом за руку, чтобы войти в плавный и величавый словесный хоровод". "Хороводность слов и строк" составляет цельность поэтического произведения, к которому возможен только синтетический подход. Не отрицая наличия в своих стихотворениях погрешностей и вольностей, Клычков обращался к критикам-формалистам с такой просьбой:

"Вот идет хоровод, идет лихо, девки поют, пляшут, праздник как праздник. А выхвати одну девку из круга, она, смотришь, рябая, а другая, смотришь, курносая. Вот так и вы, добрые люди, не про девок отдельных в моих стихах говорите, которая рябая, которая с косинкой. Скажите мне, как хоровод у меня: движется, аль на месте стоит? Вот для того критика и нужна!"[13]

Поэт-акмеист М. Зенкевич, заведующий в 1928 отделом поэзии в Госиздате, подошел с такой меркой к поэзии Клычкова в своем разборе *Талисмана*:

"Стих Клычкова тоже далек от всяких современных технических новшеств и ухищрений: он прост, скромен, но и крепок и слажен прочно, владеет им Клычков по-своему в совершенстве".[14]

В контексте литературной борьбы начала 20-х годов поэтика Клычкова – полемична: "Я с даром ясной речи /.../ И не коровий мык!". Теперь, когда время донесло лишь самое ценное от формализма и футуризма, забываешь, что нетерпимость, нигилизм и желание гегемонии были равно присущи теоретикам ЛЕФа и критикам из *На посту*. И те и другие опирались на позитивистские предпосылки, чуждые Клычкову. "Всеобщая мобилизация бессмыслицы и крестовый поход против человеческого нутра" были для него испытанием. Он устоял благодаря своему крепкому мужицкому здравому смыслу и своей любви к Пушкину: "В разгар футуризма и поэтического атеизма, Пушкин для меня всегда был образом утешения, успокоения и надежды".[15]

Колоритная критика Клычкова была несвоевременна. Но Пастернак, которому в "Лысой горе" много доставалось, в дальнейшем пришел к "неслыханной простоте"...

Отстаивая "простое и прекрасное", Клычков, в своей поэзии и прозе, как и в своей расшатанной вере, искал всю жизнь то утраченное слово, "откуда льются все слова" и "в котором сразу сказано обо всем: о земном и небесном".[16] И в поэтическом слове Клычкова слышны отголоски того изначального слова. В этом – "таинственное назначение" поэта.

Мишель Нике

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Из беседы с Н.Д. Вольпиной (май 1972).

2. Из объявления издательства "Советская Россия" о выходе в свет романа Клычкова *Чертухинский балакирь* в IV квартале 1984.

3. Письмо А. Ширяевца П.С. Поршакову от 14 июня 1914, ИМЛИ, ф. 29, оп. 3, №6.

4. Г.В. Глезкин, "Что мне дано было..." Неизданные воспоминания об А. Ахматовой, РО ГПБ им. Салтыкова-Щедрина.

5. П.А. Журов, "Основной миф Клычкова". Доклад, прочитанный в литературной секции ГАХН 23 марта 1928 (тезисы и черновик), ЦГАЛИ, ф. 2862, не описанный. Далее цитаты из этого доклада даются без ссылки.

6. Письмо С. Клычкова Б.А. Садовскому от 2 июня 1912, ЦГАЛИ, ф. 464, оп. I, ед. хр. 69, л. 3. См. *Сахарный немец*, Ymca-Press 1983, стр. 405.

7. Письмо С. Клычкова П.А. Журову (осень 1912), *Русская Литература* 2, 1971, стр. 152-53.

8. Письмо С. Клычкова П.А. Журову от 23 октября 1911, там же, стр. 152.

9. С. Клычков, предисловие к сборнику переводов *Сараспан*, М. 1936, стр. 12.

10. С. Клычков, "О зайце, зажигающем спички", *Литературная газета*, 30 сентября 1929.

11. Выступление Клычкова на заседании правления ВССП от 26 апреля 1932, ИМЛИ, ф. 67, оп. I, №3, л. 2.

12. С. Клычков, "Лысая гора", *Красная новь* 5, 1923, стр. 392. Следующие цитаты даются без ссылки. Статья первоначально напечатана в 1922 под названием "Утверждение простоты".

13. А.М. Арго, Своими глазами. Книга воспоминаний, М. 1965, стр. 109.

14. *Новый мир* 3, 1928, стр. 237.

15. *Книга о книгах*, 5-6, 1924, стр. 18.

16. С. Клычков, *Чертухинский балакирь*, М. 1928, стр. 249.

ПОТАЕННЫЙ МИР КЛЫЧКОВСКОЙ ПОЭЗИИ *

Совсем по-другому [в отличие от Есенина и Клюева], иными тропинками вернул мою заблудшую деревенскую душу на родину своей бесхитростной по первому впечатлению лирикой Сергей Клычков. Бесхитростной – только внешне. На самом деле она обольщает и уводит в глубоко ассоциативный плен русского пейзажа, встающего не только от холмов и озер Тверского или Московского края, но и из песенного фольклора, лесного шелеста и не более внятного чем он бабкиного шопота над колыбелью внука. Этот пейзаж уводит в глубину неведомо как сохранившихся в народной памяти языческих переживаний и собственных снов поэта. В последних сборниках этот глубинный пейзаж трагически размыкается прямолинейно прорубленной через всю его тысячелетнюю духовную толщину просекой, выкорчевавшей в русской глухомани и в русской сказке место для железной дороги и технической цивилизации. Но это в последних сборниках. А в первые входишь – и сразу попадаешь в заслоняющий душу от мирской суеты мир лесной, травянистой, лиственной и озерной тишины и той душевной просветленности, которая знакома нам по полотнам Нестерова. Здесь, подобно отшельнику, и обитает поэт.

---

*) Этот текст принадлежит перу молодого советского литературоведа. Это не статья, а выдержки из частного письма 1978 г. Открытие клычковской поэзии, уже в университете, помогло автору увидеть поэзию в своем собственном деревенском детстве, когда пейзаж, не застланный современной техникой, вызывал в лучшем случае одно равнодушие. Письмо А. М. свидетельствует о том, что поэзия Клычкова еще сейчас находит глубокий отклик у советского читателя, что она еще может за видимым открывать потаенные миры. Оно печатается без ведома автора.

Излюбленным персонажем, которого поэту легко и отрадно встречать в этой лесной обители, является патриархальный крестьянин-дед. В русской поэзии Клычкову нет равных в умении внушать особого рода интимно-отшельнические настроения: не медитативно-созерцательные, от книжного источника, а какие-то первозданно-поэтические, очень цельные в своей бесхитростности. Вот хотя бы этот дед, всегда погруженный в свое занятие, он встречается поэту то там, то здесь. Постоянно один и по-фольклорному беспечален. И хоть поэт высказывается о его "светлых перед зарей мыслях", душа этого деда остается для нас замкнутой, непроницаемой. Да нам, собственно, нет и надобности в нее проникать. Весь его внутренний мир, подобно зримой астральной оболочке, окружает его всего снаружи:

Сквозь весенний сумрак синий
Шел дед тихо из пустыни.

Он не созерцает природу со стороны, а составляет с ней гармоническое целое. Через внешнее календарно-земледельческое бытие деда, даже в состоянии дремоты его души, словно бы протекает сам космос:

Синий дым по луговине...
В ряд сидят снопы в овине...
Дремлет дед за камельком,
Звезды падают мельком.

Тихий деревенский пейзаж Клычкова сотворен не по описательно-реалистическим образцам, о чем свидетельствуют не только символические образы Деда, Лады, лешего и других мифических существ. Составляющие его предметы предстают как бы в сдвинутой перспективе и словно бы в лубочных пропорциях, потребных для "одомашнивания" мироздания. Ведь крестьянское мировосприятие не терпит пространственной отвлеченности, равно как и выражающих его словесных абстракций. Наивно-эстетический вкус все непостижимое мироздание включает на игровых началах в хоровод привычных явлений своего домашнего земледельческого круга.

Луг в туманы нарядился,
В небе месяц народился
И серпом лег у межи.

На это же мировосприятие ориентировался еще Пушкин:

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут.

Парная рифмовка как нельзя лучше подчеркивает равноположность разных явлений, взятых в игровом порядке.

В своей ранней лирике Клычков заворожен этим "плоскостным" восприятием мира, в котором им угадывается не только философский наив цельного крестьянского мировосприятия, но и возможность развития в поэзии своеобразного примитивного и одновременно изысканного "деревенского стиля".

Ходит Лада сеет,
Вкруг нее синеет.

В этом далеком, канувшем за лесные холмы и озера потаенном краю все своеобычно, все, даже космос, проявляется по-домашнему:

Низко месяц! Низко солнце!
И алеет у оконца,
И краснеет у ворот...

Часто обаяние клычковской строки непостижимо и не исчерпывается ее непосредственным поэтическим объемом, как, например, в двустишии:

Запоют на пирушке обозы
Сквозь березовый частый лесок...

Откуда берется навеянное им чувство радостного, совершенно лишенного какой-либо напряженности ожидания? Может быть, от слова "пирушка", так легко напоминающего и кольцовские образы, и по-деревенски праздничные кустодиевские пейзажи, где одинаково красуются в своих красочно-звонких нарядах деревенские девушки, парни, березки и за крышами зеленя? Или, может быть, от слова "обозы", пронзившего некогда собой всю дорожную лесную и полевую Русь? Это слово в русском поэтическом сознании не менее ассоциативно

богато, чем слово "тройка", с его напоминанием о шальных конях с колокольчиками под дугой. В скольких песнях и романсах прозвенело это слово-образ! Сколько одних только связанных с ним любовных сюжетов, разлук и свиданий с любимой или с Родиной... Цыганщина, молодечество, удаль, печаль мерцающих вдалеке огоньками деревень, размышления под дорожными звездами об одинокой жизни, любви, смерти... Но "обозы" – другое. Это слово пробуждает совершенно иной настрой чувств, связанный с представлением о спокойно и мирно движущейся и где-то ожидаемой к празднику клади. Это летние ночлеги в поле под стогами сена, в сараях, еще не остывших в субботу банях, а зимние – на подворьях одиноких солдаток, вдов, либо по трактирам. Это ближние обозы с сеном, с мукой, с приданым, и дальние обозы питерских бурлаков – с баранками, ситцем и обновам для дочерей, сударушек, жен... Но, может быть, это легкое чувство навеяно второй строкой, с ее хорошо знакомым пейзажем:

Сквозь березовый частый лесок.

И, возможно, вся прелесть в том, *где* протянулись и оставлены восхищенным взглядом поэта эти "обозы". Точно так же все обаяние веселой строчки Есенина:

По лугу со скрипом тянется обоз...

в том, что неведомый обоз, сойдя чудесным образом со своей бытовой колеи, пусть хоть и со скрипом, но очень ладно двинулся мимо поэта по его еще никем не топтанному травянистому миру... Не менее чудесны и два следующих стиха Клычкова:

По-за-лесу в густые березы
Поднимется ласковый стог.

Такой обычный факт деревенского пейзажа (стог), а своей свежестью воспринимается как неожиданное чарующее видение. Тут тоже не знаешь, чем эту свежесть объяснить. То ли непростым предложно-пространственным углом зрения на лес (по-за-лесу), то ли картиной незнамо как очутившегося среди "густых берез" стога сена, то ли теплым и духмяно-живым эпитетом последнего (ласковый). Но, думается, причина и в том, и в другом, и в третьем, и в чем-то еще, что и вовсе неуловимо.

Во всех этих внешне реалистических образах-картинах задевает за живое чувство, волнует какая-то их наивная и тонкая пространственная сдвинутость и подвернутость "в сказку". По сути дела эта "сказочность" не что иное как языческое начало самого мироощущения поэта. Языческое не в силу заселенности клычковской поэзии, подобно пушкинскому Лукоморью, образами леших, русалок, Лады, деда-оборотня, а в последних сборниках и домашнего черта, а скорее в силу ощущения поэтом своего органического родства с матерью-природой, с ее жизнетворческой сущностью. Лесной замкнутый мир и вырастающий в нем поэт находят друг друга в своем едином, общем начале: в самобытии и отрешенности от всего, кроме друг друга.

В лесной тишине и величьи
Меня пеленал полумрак,
Баюкало пение птичье,
Бегущий ручей под овраг...

Помню, как меня очаровало четверостишие:

Помолюсь святой иконе
На соломе чердака,
Понесутся, словно кони,
Надо мною облака...

В связанности двух образов (чердака и облаков) ощущалась утраченность какого-то звена, и это-то, возможно, и волновало. Чтобы успешно сотворить что-то тайное или хотя бы только о нем поразмышлять, — нужно забраться куда-нибудь как можно уединеннее... А тут лесная глушь, дальше некуда, но вот все-таки находится место еще потаеннее... чердак, откуда и видны-то всего лишь макушки елок да облака, которые возьмут да вдруг и понесутся как кони, — оттого, что ты в таком потаенном месте их подстерег... Именно в такой уединенности и близости природа оборачивается к человеку своей благотворной сущностью:

Заалеет из-за леса,
Прянет ветер на крыльцо,
Нежно гладя у навеса
Мокрой лапой мне лицо.

Природа и крестьянский быт у Клычкова как бы освещены "нездешним" светом, источником которого угадывается некий "потаенный мир". В этом мире прозрачно ощутима мечта о пока еще не созданной на земле человеком такой жизни, которая могла бы быть воплощенной сказкой или песней о прекрасном человеческом саде (или рае).

Сегодня у нас на деревне
Дерутся, ругаются, пьют –
Не слышно, как птицы царевне
В лесу деревенском поют.

Образ "незримого", видимого только немногим сада, одухотворяет всю лирику Клычкова. Антиподом этого "незримого" сада у него выступает реальный, непоэтический мир людей, но однако не в их внутренних конфликтах психологического или социального характера, о чем в его лирике упоминается отдаленно и глухо, а в их дисгармонии по отношению к природе, в их отходе от нее, ведь

Не видит никто и не слышит,
Что шепчет в тумане ковыль.

Проглядывающий сквозь клычковскую лесную тишину "потаенный мир" часто оказывается мифической духовной родиной предков. Забравшемуся в лесную глушь пастушонку в шуме листвы слышатся приоткрывающие тайну лесного обаяния голоса:

Здесь на тебя былые предки
Глядят, склонивши седины,
И в думы их вплелися ветки,
И в быль несгаданные сны.

Этому "откровению" близок и есенинский образ деревьев, "роняющих" свои листья-слова. Образы обоих поэтов через Афанасьева восходят к представлениям древних славян о заключенной в древесной плоти живой душе, только у Есенина миф уже затвердел, отлившись в золотой слиток метафоры, а у Клычкова он сквозящ и прозрачен: видно, как поэт ищет тропинку, чтобы попасть в невсегда утерянную родину предков из своей невеселой для него современности.

Тут открывается еще одна сторона клычковской лесной поэзии. Мир грезящий о прошлом, предполагает мотив ухода крестьянской Руси, которой больше нет места в преобразующейся под знаком урбанизации современности, – в свое мифическое прошлое. В лирике Клычкова Русь предстает в основном спящей или дремлющей, подальше от городов в полевой и лесной тишине деревенского мира. Поэту приятнее видеть ее уснувшей, чем умершей, хотя она выступает и с эпитетом более точно характеризующим ее небытие:

Здесь сквозь туман синеют села,
Пылает призрачная Русь...

Подобно Есенину, но только с меньшим лирическим буйством и с большей покорностью, кончину деревенской Руси Клычков воспринимает и как свою собственную, тем более, что с ушедшей Русью навеки сольется и сам воспевший ее красоту поэт:

Растай душа перед разлукой
В родную ширь, в родную даль!..

Весь довольно конкретный клычковский пейзаж словно исполнен особой чуткости, настороженности, он тихо затаился, прислушиваясь к каким-то переменам в окружающем, либо сам готовится осуществить какой-то свой замысел: неспроста и соха с бороною о чем-то "грезят" в месячном луче, прокравшемся в тихий закут крестьянского двора. Все здесь представляется в прощальном самоизлучении, все исполнено тихого, доброго, но угасающего трепетания света:

Вдали леса и, словно лица,
Горят над ними купола
И тихо бродит вкруг села
Серебряная мглица!

Все, находящееся в этом освещении, готовится в какой-то свой дальний путь:

В тумане хижина моя,
И смотрят звезды строго,
И рдеет тонкая ладья
У моего порога.

"Рдеющая" и "тонкая", словно нарисованная ладья – это и образ ушедшей юности, и символ отчаливающей от берега современности крестьянской Руси. Далее в стихотворении виден только

... след от тихих весел...

а в самом конце мелькает на прощанье уже один только "рыбачий парус"... Вот этот-то тонкий сплав конкретной детали и символического намека и создает устойчивое впечатление от клычковского пейзажа.

А. М.

ОБ АВТОРЕ

Биобиблиографическая справка

Сергей Антонович Клычков родился 1/13 июля 1889 года в староверской семье крестьян-кустарей (сапожников) в деревне Дубровки близ Талдома. После земской школы поступил в московское реальное училище И.И. Фидлера. Принял участие, вместе с скульптором С.Т. Коненковым, в декабрьском восстании 1905 г. Начал печататься в 1907 (три стихотворения и два рассказа). В 1908 ездил к Горькому в Италию, на Капри, вместе с М.И. Чайковским. Вскоре после поступления в университет был отчислен ("филологический путаник"). Посещает символистский кружок Эллиса. В начале января 1911 в издательстве "Альциона" вышел первый поэтический сборник Клычкова *Песни (Печаль-Радость, Лада, Бова)*. В августе 1913 *Потаенный сад* (стихи 1909-1912 гг.) вышел там же. В июле 1914 Клычков был призван в армию и служил младшим офицером до 1917. Испытание войной отражено в романе *Сахарный немец*, вышедшем в 1925 г. Осенью 1918 работал в Московском Пролеткульте и вместе с Есениным и Герасимовым организовал книгоиздательство "Московская трудовая артель художников слова", которое выпустило 4 книги Клычкова: *Потаенный сад* (1918 и 1919), *Кольцо Лады* (1919), *Бова* (1918, не разыскана), — все на основе первых двух поэтических сборников, — и *Дубравна* (1918), где большинство стихотворений относится к 1914 г. В 1919-1920 находился в Крыму. В 1922 был приглашен А.К. Воронским на должность литературного секретаря отдела прозы в журнале *Красная новь*. В 1923 вышли книги *Гость чудесный* (избранные стихотворения) и *Домашние песни* ("Пятая книга стихов"): Клычков считал, вероятно, одно из переизданий (с изменениями) 1918-1919 гг. самостоятельной "третьей" книгой стихов.

В 1925 вышел первый роман Клычкова *Сахарный немец*, за ним *Чертухинский балакирь* (1926) и *Князь мира* (1927, отдельное издание в 1928), — звенья из задуманной трилогии о Животе и Смерти русского народа, человеческой души и природы. В 1927 вышел сборник стихов *Талисман* (1/3 новых стихов). С 1928 ожесточилась травля Клычкова О. Бескиным и др. Вяч. Полонский защитил его на страницах *Нового мира* и Клычков дважды выступил в "Трибуне писателя" *Литературной газеты* (30 сент. 1929 и 21 апреля 1930) против этой травли. Последняя книга стихов вышла в 1930 *(В гостях у журавлей)* : потом, Клычкову, как "барду кулацкой поэзии", удастся издать лишь переводы. В 1930 он развелся и женился на В.Н. Горбачевой. В 1932 принимал участие в пленуме оргкомитета союза советских писателей. Клычков был арестован в июле 1937 и по всей вероятности был расстрелян при допросе (см. *Воспоминания* Н.Я. Мандельштам). Официальная дата его смерти — 21 января 1940.

Сахарный немец переиздан изд. *Ymca-Press* в 1983 (с более подробной "хроникой жизни и творчества С. Клычкова"); *Князь мира* переиздается там же; объявлено переиздание *Чертухинского балакиря* в изд. "Советская Россия" на 1984. В 1981 в изд. *L' Age d' Homme* вышел французский перевод выбранных глав из трех романов Клычкова.

* * *

Настоящая антология — первое частичное собрание лирического наследия Клычкова: за исключением десятка стихотворений в антологиях 1957, 1979 и 1982 гг., стихотворения Клычкова не переиздавались с 1930. Поэтому к некоторым из них даются примечания, отмеченные звездочкой, в конце книги, но сведений об истории текстов здесь не приводится. Стихотворения Клычкова (кроме двух) не датированы. Когда в 1923 Клычков захотел поставить даты во избежание кривотолков, ему, по-видимому, не дали это сделать (см. Дм. Фурманов, *Собрание сочинений* в 4 тт., т.4, М. 1961, стр. 332-333). Датировка клычковских стихотворений важна и для установления их возможного влияния на Есенина.

— За квадратной скобкой дается дата *первой* докнижной публикации (в альманахе, журнале или газете), когда она нами разыскана: [*1911.* При отсутствии такой даты верхней границей датировки стихотворения надо считать дату выхода в свет сборника, с учетом данных из биобиблиографической справки.

— Перед квадратной скобкой дается дата *последней* прижизненной перепечатки (как правило, в сборнике— антологии не считаются): *1927*].

— В круглых скобках дается, в некоторых случаях, предполагаемая дата написания.

Стихотворения публикуются по сборнику, в котором они впервые появились, с указанием лишь главных вариантов (снятие заглавия или изменения в строфике или в пунктуации не оговариваются).

ПЕСНИ

(1911)

ПЕЧАЛЬНЫЙ ЛЕЛЬ

Печаль, печаль в моем саду,
Пришла тропой лесною...
А сад мой цвел во всем году,
Теперь завял весною...

Не гнется легкая стрела
На легком самостреле...

Не слышно утром у села
Серебряной свирели...

Уж не гляжусь в лесной ручей,
Проснувшись с песней птичьей...

И не туманит мне очей
Ни взор, ни стан девичий...

Твердят: печаль — старик слепой!
Кого же я, счастливый,
Бродя поросшею тропой,
Так долго жду у ивы?

1919]

ОСЕНЬ

У деревни вдоль тропинок
В старой роще над лужком
Ходит тихий грустный инок,
Подпираясь подожком.

Вкруг него стоят березы
Все в щебечущих синицах...

А роса в лесу, как слезы,
На серебряных ресницах.

Что за звон в его лукошке?
Это падают с осинок
Бусы, кольца и сережки,
Бисер утренних росинок.

Опустилась непогода
Над опавшими ветвями...

Лес — как грозный воевода
С опаленными бровями...

Скатный жемчуг скромный инок
Красным девушкам собрал
— По родителям поминок —
Да дорогой растерял.

1919]

НЕВЕСТА

Запоют на пирушке обозы
Сквозь березовый частый лесок...

По-за-лесу в густые березы
Поднимется ласковый стог.

Понаедут веселые хваты
Без пути, без дороги — быльем,
Скинут белые шапки у хаты
Перед старым седым бобылем.

Раскидают кафтаны, сермяги
Все на заячьем белом меху,
Что одной-то полой на овраги,
А другою по лесу, по мху...

Посидят старики за ендовой,
Посудачат старухи втишок.

Не горюнься же, Месяц медовый,
Невесты моей женишок! *

1919]

ОБРАЗ ТРОЕРУЧИЦЫ

Образ Троеручицы
В горнице небесной
В светлой ризе лучится
Силою чудесной.

Три руки у Богородицы
В синий шелк одеты —

Три пути от них расходятся
По белому свету...

К морю синему — к веселию
Первый путь в начале...

В лес да к темным елям в келию —
Путь второй к печали.

Третий путь — нехоженный,
Взглянешь и растает,
Кем куда проложенный,
То никто не знает.

1919]

КОЛДУНОК

В облаках заревой огонек,
Потухает туманный денек.

Повернула дорога во мглу...

По селу
Идет колдун в онучах,
В серых тучах...

Борода у него — мелкий дождичек,
В бороде у него — дуга-радуга,
А в руках подожек-подорожничек! —
Собрался, старина, видно надолго...

На прощанье махнул колдунок
Над притихшим селом костылем —
Пошатнулся окольный тынок,
Быстрым зайцем шмыгнул ветерок,
Закричал, закачал ковылем:

— Идет колдун в онучах,
В онучах — в серых тучах!

Догорел в облаках огонек
Умер в поле денек...

1919]

ЛАДА В ПОЛЕ

Повязалась Лада
Шелковым платком,
Ходит Лада в поле
С липовым лотком.

Ходит Лада — сеет,
Вкруг нее синеет.

Взборонена борозда,
Что ни зернышко — звезда!..

Ходит Лада в поле
С липовым лотком,
По росе ступает
Мягким лапотком.

Ходит Лада — сеет,
Вкруг нее синеет.

Из-под белого платка
Выплывают облака!

ЛАДА У ОКНА

Выбегает вдоль дорог
Красногривый Горбунок —

Из-за елей и берез
Он вывозит ветхий воз...

Воз тежелых облаков
Стянут молнией с боков...

Скачет в поле вдоль дорог
Красногривый Горбунок —

Вдруг: уклон, глухой овраг,
Из оврага холод, мрак —

Старичишка за скалой
С перевязанной скулой —

Горбунок скалу лягнул,
Старичек скулу надул:

Как подул во всю щеку
Оторвал напрочь чеку,

Разбил об камень оси
Сорвал гужи, дугу,
А воз свалил в раскосе
На лугу.

1919]

ТОРОВА-ГОРА

Где гаснут звезды на заре,
Где расцветает синева,
Один в туманном серебре
Спит очарованный Бова...
Из очарованных очей
Течет серебряный ручей...
С его могучей головы
Волна широкая кудрей
Лежит в долинах меж травы
И стелется по дну морей.
Цветут цветы у алых губ...
Из сердца вырос — дуб...
Высоко в небе дуб стоит,
Над ним прозрачна и светла
Корона звездная горит,
А корни омывает мгла
И глубина земли таит.
В его ветвях станицы сов
Жестокой тешатся игрой,
Когда вечернею порой
Они слетятся из лесов
Делить добычу над горой:

Так жутко слушать их полет,
Следить их медленную тень —
С их черных крыльев мрак плывет
Над снами дальних деревень...

1923]

ПОТАЕННЫЙ САД

(1913)

ДЕТСТВО

Помню, помню лес дремучий,
Под босой ногою мхи,
У крыльца ручей гремучий
В ветках дремлющей ольхи...
Помню: филины кричали,
В темный лес я выходил,
Бога строгого в печали
О несбыточном молил.
Дикий, хмурый в дымной хате
Я один, как в сказке, рос;
За окном стояли рати
Старых сосен и берез...
Помолюсь святой иконе
На соломе чердака,
Понесутся, словно кони,
Надо мною облака...
Заалеет из-за леса,
Прянет ветер на крыльцо,
Нежно гладя у навеса
Мокрой лапой мне лицо —
Завернутся кучей листьев,
Закружится возле пня,
Поведет, тропы расчистив,
Взявши за руку меня —

Шел я в чаще, как в палате,
Мимо ветер тучи нес,
А кругом толпились рати
Старых сосен и берез:
Помню: темный лес, дремучий,
Под босой ногою мхи,
У крыльца ручей гремучий,
Ветки дремлющей ольхи...

[1911, 1923]

Сегодня вечером над горкой
Упали с криками грачи
И старый сад скороговоркой
Будили в сумраке ручьи.
Церковный пруд в снегу тяжелом
Всю ночь ворочался и пух
А за соседним частоколом
Кричал не во-время петух.
Пока весь снег в тумане таял,
Я слушал, притаясь к окну:
В тумане пес протяжно лаял
На запоздавшую луну...

[1911, 1923]

В очах далекие края,
В руках моих — березка,
Садятся птицы на меня
И зверь мне брат и тезка...
Мне вешний ветер — поводырь,
Попутчиками — тучи,
И я крещусь, как богатырь,
Среди полей могуче...
Так, освежаясь под сосной
Сном кротким и веселым,
Иду я раннею весной
По деревням и селам...

[1911, 1923]

Над низким полем из болота
На пашню тянут кулики
Уж камышами вдоль реки
Плывет с волною позолота...
Туман ложится в отдаленье,
Земля горбом свежа, черна,
В меже соха, как привиденье,
И вверх зубцами борона...
Вдали леса и, словно лица,
Горят над ними купола
И тихо бродит вкруг села
Серебряная мглица!..
Встает луна над крайней хатой
И, словно латы, возле хат
На травке мокрой и хохлатой
У окон лужицы лежат!.. *

[1911, 1923]

Над лесной зыбучей топью
Крепко дремлют исполины,
Обнеслось корой их тело,
С плечь ползет туман в долины,
В груди им запали копья
И серебряные стрелы,
С рук их катятся потоки,
А у ног, грозя и воя,
Вырастает лес высокий,
Окруженный синевою —
Спят они, навек вздохнувши,
Прислонивши дубом очи,
Приваливши камнем уши,
Затая на сердце думу:
Не видать и́м мрака ночи,
Не слыхать лесного шума...

ВЕСЕННЯЯ ПЕСЕНКА

Ой ты, зимушка-зима!
Погуляла вдоль села:
Подобрала закрома,
Все сусеки подмела!..
Скоро Богу помоляся,
Собиралась восвояси:
Шубу белую, дубленую
Укладала в сундуки,
Лишь подкладочку зеленую
Обронила у реки...
Межъ землей и небесами
Провожать ее лесами
Вышла девица красна,
Кличут девицу: весна!..
Следом солнышко садилось
И ручей в снегу журчал,
Верба бусами рядилась
И петух вдогон кричал:
— Ой-ты, зимушка-зима!
Погостила-побыла!
Угощалася сама:
Все сусеки подмела!..

ПОЛОВОДЬЕ

Вышла Лада на крылечко,
Уронила перстенек,
Бирюзовое колечко
За березовый пенек:

— Покатись-катись, колечко,
За околицу на речку!
Есть в речной глуби темница,
В ней сестрица сном томится,
Ты сестричку разбуди
И в морской волне умыться
К морю синему сведи!

Пал туман густой, стемнело,
Дед у летошних стогов
Слушал, как река шумела,
Выходя из берегов.

Из лесов сбегались лоси
На речные берега
Вешних вод испить на плесе
Окунуть в реку рога...

Будут их рога сильнее,
Тверже поступь средь трясин!
Будет глубже и синее
Над вершинами осин!

По утру в реку повисло
Серых уток коромысло
И сестру на тонкой льдине
Провожать в далекий плен
Лада вплоть до речки синей
По дубовой шла кладине,
Подоткнувшись до колен!.. *

[1912, 1923]

ДЕДОВА ПАХОТА

Бел туман спадает с выси,
На селе кричат грачи,
В седины его вплелися
Солнца раннего лучи!

Коня ивинкой сухою
Понукает он порой...
Славны думы за сохою!
Светлы очи пред зарей!

Запахал дед озимое,
Поясной поклон сложил,
Обошел кругом с сумою,
Хлебной крошкой обсорил.

За день дед не сел у пашни,
Распрямился и окреп...
Тепел вечер был вчерашний,
Мягок будет черный хлеб!

Не с того ли яровая
В поле скатерть за селом...
Будет всем по короваю!
Всем по чарке за столом!.. *

1923]

ХЛЕБ ЗОРИТСЯ

Луг в туманы нарядился,
В небе месяц народился
И серпом лег у межи, —
Над серпом горят зарницы,
Зорят жито и пшеницу
Бьются крыльями во ржи!

Стог, как дружка, на поляне,
И бока его в росе,
Звезды клонятся в тумане,
Скоро выйдут поселяне
И согнутся в полосе!

И до вечера на жнитве
Не сложа усталых рук,
В громкой песне и молитве
Будут славить дедов плуг!..

[1912, 1919]

ДЕД ОВИН СУШИТ

Синий дым по луговине,
В ряд сидят снопы в овине,
Дремлет дед за камельком,
Звезды падают мельком...
Звезды катятся вчастую,
Словно искры от кремня,
За деревню в рожь густую,
На ометы ячменя...
Сколько, сколько лет прожито!
Горсть у деда, как сусек:
Сколько ржи, овса и жита
Помолочено за век!..
Синий дым по луговине,
Вряд сидят снопы в овине,
Звезды падают мельком,
Дремлет дед за камельком...
Вот и ток весь в изумруде,
Словно песня, стук цепов
И играет солнце в груде
Обмолоченных снопов!..
И растет под головою
Ворох спелого пшена...
Деду грезится былое:
На деревне — тишина!..

1923]

ЖАР ПТИЦА

Низок месяц круторогий!
Осень, осень на пороге!
Лада в поле от ворот
Вдоль оврагов и болот
К синю-морю по дороге
Разбросала умолот!

Любо Ладе белолицей:
Утки шумною станицей,
Гуси длинной вереницей,
И венцами журавли
Над рассыпанной пшеницей
Проносились у земли!

Пролетали с криком за лес,
Словно с Ладою прощались,
Мимо сада, мимо пашен,
Мимо скошенных полей —
Стала Лада еще краше:
И печальней, и светлей...

Низко месяц! Низко солнце!
И алеет у оконца,
И краснеет у ворот:
То спадает сад, иль снится,
Что в саду живет жар-птица,
Золотые гнезда вьет!..

1923]

СВАТ

В поле мгла, как белый плат,
У палат опалый сад;
Едет, едет к Ладе сват.

Едет он из дальних мест,
Вихрем конь летит, коль съест
Меру зерен зорных звезд!

Перед ним, качая бор,
Мчится ветер-листодер,
Стелет под ноги ковер!

Бор далекий, как в огне,
Пышет грива на коне,
Луг в туманной пелене:

Уж как за мостом — мостом
Конь серебряным хвостом
Машет в сумраке густом!

[1913, 1919]

ЛАДА ПРЯДЕТ

В тишине уходит солнце
По крутому бугорку,
Есть у Лады веретенце
В потаенном уголку...

Лада нить в ладони сучит
Прикрываясь волокном,
И спадают ниже тучи,
И темнее за окном...

Загляделся на оконце
Месяц, выйдя в облака,
И кружится веретенце
Вкруг кленового станка...

Ладе дремлется за пряжей,
В тихой горенке темно...
Вьется белый пух лебяжий,
Виснет пряжа за окно...

И туманы это что ли
В поле белые легли:
То белеет в тихом поле
Новина по край земли...

(1911), [1912

ДУБРАВНА

(1918)

Была над рекою долина,
В дремучем лесу у села,
Под вечер, сбирая малину,
На ней меня мать родила...

В лесной тишине и величьи
Меня пеленал полумрак,
Баюкало пение птичье,
Бегущий ручей под овраг...

На ягодах спелых и хмеле,
Широко раскрывши глаза,
Я слушал, как ели шумели,
Как тучи скликала гроза...

Мне виделись в чаще хоромы,
Мелькали к заре терема
И гул отдаленного грома
Меня провожал до домá.

Ах, верно, с того я и дикий,
С того-то и песни мои —
Как кузов лесной земляники —
Меж ягод с игольем хвои... *

[1912, 1927]

ПОДПАСОК

Над полем туманит, туманит,
В тумане мигает грудок,
А за лесом гаснет и манит
Меж туч заревой городок.

Сегодня я в поле ночую,
Лежу, притаясь за скирдой —
Вон в высь голубую, ночную
Катится звезда за звездой...

И, нехотя, месяц всплывает
Над ширью покосов и нив
И ряски свои одевают
Ряды придорожные ив...

И кто-то под голос волынки
Незримо поет в вышине,
И шепчут за нею былинки,
И грустно от песенки мне.

И то ли играет подпасок,
Поет ли волынка сама —
Ах, беден на нем опоясок
И с боку убога сума!..

Но в полночь, когда он на кочке
Сидит в голове табуна
В кафтан с золотой оторочкой
Его наряжает луна...

И в сумку, пропахшую хлебом,
Волшебную дудку кладет —
И тихо под песенку небом
За облаком облак плывет...

И думаю: кончится сказка,
Погаснет пастуший грудок, —
Замолкнет волынка подпаска,
Зальется фабричный гудок!.. *

[1914, 1927]

ПРОЩАНИЕ

Прощай, родимая сторонка,
Родная матушка, прости,
Благослови меня иконкой
И на дорогу покрести.

Жаль разлучаться с милой волей
Да не итти я не могу:
Ведь никого уж нету боле,
На недокошенном лугу.

Ведь выпал всем тяжелый жребий
С родной расстаться стороной,
С зарей, сияющею в небе,
И тихой радостью земной.

Прощай же, травка-говорунья
И сиротина-борозда, —
Прощайте, ночи-полнолунья
И ты, далекая звезда,

Звезда, горящая, как свечка,
Пред светлым праздником зари!
Прощай, родимое крылечко
И ты, колечко на двери! —

И брови, дрогнувшие мукой,
И очи, скрывшие печаль, —
Растай, душа, перед разлукой
В родную ширь, в родную даль!..

(1914), 1927]

Лель цветами все поле украсил,
Все деревья листами убрал,
Слышал я, как вчера он у прясел
За деревнею долго играл...

Он играл на серебряной цевне,
И в осиннике смолкли щеглы,
Не кудахтали куры в деревне,
Лишь заря полыхала из мглы...

На Дубне журавли не кричали,
Сыч не ухал над чащей лесной,
И стояла Дубравна в печали
На опушке под старой сосной...

Каждый год голубою весною
Он плывет, как безвестный рыбак,
И над нашей сторонкой лесною
Виснет темень — туманы и мрак...

Редко солнце из облака выйдет,
Редко звезды проглянут в ночи,
И не видел никто и не видит
На кафтане узорном парчи...

Невдомек и веселой молодке,
Что сгоняет коров поутру,
Чей же парус белеет на лодке,
Чей же голос слыхать на ветру...

Он плывет и играет на луке
Ранний луч золотою стрелой,
Но не вспомнят о прадедах внуки,
Не помянут отрады былой...

Не шелохнут лишь сосны да ели,
Не колыхнут вершины берез,
И они лишь одни видят Леля,
Обступая у берега плес...

[1915, 1927]

Сегодня у нас на деревне
Дерутся, ругаются, пьют —
Не слышно, как птицы царевне
В лесу деревенском поют.

А в роще Дубравна гуляет
И в лад им поет на ходу.
И тихо заря догорает
В далеком, небесном саду.

Не видит никто и не слышит,
Что шепчет в тумане ковыль,
Как лес головою колышет,
И сказкой становится быль...

Сидят и грустят о старинке,
Угрюмо глядят старики,
Как по полю, словно ширинки,
Туманы постлались с реки...

И часто они отирают
Очей устаревших слюду,
И тихо заря догорает
В далеком небесном саду...

И, может, что было недавно —
Давно только песни и сны,
И синие очи Дубравны
Слились с синевою весны...

[1914, 1927]

Иду я лесною дорогой,
В лесу невидимка поет
И тихо из тонкого рога
Сиянье осеннее льет.

В сиянии тихом, осеннем
Я душу, как чашу, несу,
К златым уношу ее сеням
Зари, сворожившей в лесу.

Ветвями мне ольхи кивают,
И тянутся руки хвои,
Как будто бы благословляют
И песни, и думы мои...

Так грустен их шорох прощальный,
И льются ручьи в чапуги,
Шурша, как Дубравны печальной,
В лучах повечерья шаги.

И чую я, только лишь лягут
Роса и причудник-туман,
Спадающих листьев и ягод
И зорь чаровейных дурман.

И слушаю, как на дорогу
В лесу невидимка поет
И в душу из тонкого рога
Сиянье прощальное льет.

1927]

В далеком захолустьи,
В краю родном весной
Иду я с прежней грустью
Опушкою лесной...

Вернулся я из битвы
И, горе позабыв,
Все слушаю молитвы
Лесных печальниц-ив.

Гляжу я, как туманы
Плывут с сырой земли
Ко всем погибшим рано,
Почиющим вдали,

Как брезжит в высях лунных
Нездешней вестью свет
О всех забытых, юных,
Кого уж больше нет.

И я в глуши полесной
Опять ищу в тиши
Увядший, но чудесный
Цветок моей души...

1927]

Вся в тумане, в дремоте околица,
Только с краю светок от окон:
То тайком моя матушка молится
И кладет за поклоном поклон...

Смотрит в очи ей лик Троеручицы,
А в углу предрассветная мгла —
"Полно плакать, родимая, мучиться,
Ты бы лучше вздремнула, легла"...

Уж светает, уж брезжится по полю,
Уж мелькает русалочья тень...
Вот и кони с ночнины протопали,
И за тын смотрит труженик-день... *

[1914, 1927]

Грежу я всю жизнь о рае
И пою все о весне...
Я живу, а сам не знаю,
На-яву али во сне! —

Вот один тропой иду я
И судьба — хоть, как погост, —
Я ж за песней не горюю,
Как цветок, душою прост...

Одинокий, нелюдимый,
Может, вот в последний раз
О земле моей родимой
Я пою в вечерний час.

Мне ж, как встреча — час прощальный
В нем сольются явь и сон:
Жизни с песенкой печальной
Погребальный смерти звон!.. *

[1914, 1927]

На чужбине далеко от родины
Вспоминаю я сад свой и дом,
Там сейчас расцветает смородина,
И под окнами птичий содом...

Там над садом луна величавая,
Низко свесившись, смотрится в пруд, —
Где бубенчики желтые плавают,
И в осоке русалки живут...

Она смотрит на липы и ясени
Из-за облачно-ясных завес,
На сарай, где я нежился на́ сене,
На дорогу, бегущую в лес...

За ворота глядит, и на улице,
Словно днем, — только дрема и тишь,
Лишь причудливо избы сутулятся,
Да роса звонко капает с крыш: —

Да несется предзорняя конница,
Утонувши в туманы по-грудь, —
Да березки прощаются — клонятся,
Словно в дальний собралися путь!..

Эту пору весеннюю, раннюю
Одиноко встречаю вдали...
Ах, прильнуть бы, послухать дыхание,
Поглядеть в заревое сияние
Милой мати-родимой земли. *

1927]

Помолюсь заревому туману,
Поклонюсь до земли землякам,
По пути к плотогонам пристану,
К понизовым лихим рыбакам...

Проходя голубое поречье,
На песках с заревым пояском,
Я окрепну и духом, и речью
За трудом и за черным куском.

Повстречаясь с весенней грозою,
Я заслушаюсь и загляжусь,
Как скликаются вешние зои,
Как почиет под сумраком Русь...

И когда будут спать еще в хатах
И бродить по болотам туман,
Запою я о звездах мохнатых,
О пригоршне тяжелых семян...

Не ходи ж ты за мной, мое горе,
Не цвети ж ты на тропке, плакун —
Ой, волшебницы — ярые зори!..
Шум лесной — стоголосый баюн!..

1927]

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Золотятся ковровые нивы
И чернеют на пашнях комли...
Отчего же задумались ивы,
Словно жаль им родимой земли?..

Как и встарь, месяц облаки водит,
Словно древнюю рать богатырь,
И за годами годы проходят,
Пропадая в безвестную ширь.

Та же Русь без конца и без края
И над нею дымок голубой —
Что ж и я не пою, а рыдаю
Над людьми, над собой, над судьбой?

И мне мнится: в предутрии пламя
Пред бедою затеплила даль,
И сгустила туман над полями
Небывалая в мире печаль... *

1927]

ГОСТЬ ЧУДЕСНЫЙ

Свет вечерний мерцает вдоль улиц,
Словно призрак, в тумане плетень,
Над дорогою ивы согнулись,
И крадется от облака тень.

Уж померкли за сумраком хвои
И сижу я у крайней избы,
Где на зори окно боковое
И крылечко из тонкой резьбы.

А в окно, может, горе глядится,
И хозяйка тут — злая судьба,
Уж слетают узорные птицы,
Уж спадает с застрехи резьба.

Может быть, здесь в последней надежде
Все ж, трудясь и страдая, живут,
И лампада пылает, как прежде,
И все гостя чудесного ждут.

Вон сбежали с огорка овины,
Вон согнулся над речкою мост —
И так сказочен свист соловьиный!
И так тих деревенский погост!

Все он видится старой старухе
За туманом нельющихся слез,
Ждет и ждет, хоть недобрые слухи
Ветер к окнам с чужбины принес.

Будто вот полосой некошеной
Он идет с золотою косой,
И пред ним рожь и жито, и пшены
Серебристою брызжут росой!

И, как сторож, всю ночь стороною
Ходит месяц и смотрит во мглу,
И в закуте соха с бороною
Тоже грезят — сияют в углу.

1927]

ДОМАШНИЕ ПЕСНИ

(1923)

Земля и небо, плоть и дух...
Из сини в синь равно бежит дорога...
Весна — росу, зазимок — белый пух
И лето дождь в свой срок прольет из рога.

Незримый страж у птичьего гнезда,
Чудесный страж у каждой хаты нашей:
Над хатой и гнездом в свой час горит звезда,
Горит звезда, как золотая чаша.

В свой час с земли и лунь, и певчий дрозд
Уносят в высь изношенные перья:
Путь по земле лишь человеку-зверю
Проложен от купели на погост...

Темна, тесна могилы узкой клеть,
Печален крест под придорожной пылью,
Одной душе даны, как птице, крылья,
Чтоб в смертный час вспорхнуть и улететь...

И мирно ляжет тело под исподь,
И погребенья сами взалчут кости:
Цветут цветы в полях, и на погосте —
Земля и небо, дух и плоть.

1927]

Среди людей мне страшно жить,
Мне, как ребенку среди ночи,
Так хочется порой смежить
Души заплаканные очи.

Как на покойницу убор,
Легла на землю тень от плахи.
— Ты слышишь, что бормочет бор?
— Скажи, о чем щебечут птахи?..

На всех, на всем я чую кровь,
В крови уста, цветы, ресницы.
О, где ты, мать людей, — Любовь?
Иль детям о тебе лишь снится?

Спаси, помилуй, пожалей,
И не для казни и расплаты
Сойди и свет среди полей
Пролей на пажити и хаты.

Родимый край угрюм и пуст,
Не видно рыбака над брегом,
И лишь улыбка чистых уст
Плывет спасительным ковчегом.

[1922

Куда ни глянь, везде ометы хлеба,
И в дымке спозарань не видно деревень.
Идешь, идешь, и только целый день
Ячмень и рожь пугливо зыблют тень
От облака, бегущего по небу.

Ой, хорошо в привольи и безлюдьи
Без боли мир оглянуть и вздохнуть
И хорошо уйти — уйти в безвестный путь
И где-нибудь в ковыльную погудь
Прильнуть на грудь земли усталой грудью.

И верю я, идя безбрежной новью,
Что сладко жить, неся благую весть:
Есть в мире радость, есть: приять и перенесть
И словно облаку закатному доцвесть,
Стряхнув с крыла последний луч с любовью...

[1922, 1927]

Иду в поля за божьей данью
На голоса привольных птиц.
Ах, я устал клониться ниц,
Тая надгробное рыданье
У человеческих гробниц...

Еще пылает мак, как пламя,
Как душ непогребенных след,
Но нет отчаяния — нет,
И в узелочке за плечами
Такой неизъяснимый свет.

И я слежу живые звенья
С зари летящих журавлей —
То вестники грядущих дней
Отдохновенья и забвенья
И обновления полей...

[1922, 1927]

Люблю тебя я, сумрак предосенний,
Закатный вечеров торжественный разлив,
Играет ветерок и тих, и сиротлив
Листвою пребережних ив,
И облака гуськом бегут, как в сновиденьи;
Редеет лес, и льются на дорогу
Сребряные колокольчики синиц:
То осень старый бор обходит вдоль границ,
И лики темные с божниц
Глядят в углу задумчиво и строго.
Вкушает мир покой и увяданье,
И в сердце у меня такой же тихий свет:
Не ты ль, златая быль благоуханных лет,
Не ты ль, завороженный след,
Давно в душе увядшего страданья? *

[1922, 1927]

Осенний день прозрачно стынет,
Звеня охотничей трубой...
Прощаюсь я с весною синей,
С тобой и с далью голубой...

Склонилась синева над чащей,
И очи сини и строги,
И в чаще тающей, шуршащей
Как бы дыханье и шаги...

То, насторожившн верхушки,
В прохладе слушает и ждет,
И тихо кружит по опушке
Берез умолкший хоровод.

И лишь одна, как над могилой,
В необлетевший рдяный куст
Нагие руки уронила
И тонких пальцев горький хруст.

[1922, 1927]

Глядят нахмуренные хаты,
И вот — ни бедный, ни богатый
К себе не пустят на ночлег: —
Не все ль равно: там человек
Иль тень от облака, куда-то
Проплывшая в туман густой, —
Ой, подожок мой суковатый,
Обвитый свежей берестой, —
Родней ты мне и ближе брата!
И ниже полевой былинки
Поникла бедная душа:
Густынь лесная и суглинки,
Костырь, кусты и пустоша —
Ой, даль моя, ты хороша,
Но в даль иду, как на поминки!
Заря поля окровянила
И не узнать родимых мест:
Село сгорело, у дороги
Стоят пеньки и, как убогий,
Ветряк протягивает шест.
Не разгадаешь: что тут было —
Вот только спотыкнулся крест
О безымянную могилу.

[1922, 1927]

Монастырскими крестами
Ярко золотеет даль,
За прибрежными кустами
Спит речной хрусталь.

За чудесною рекою
Вижу: словно дремлет Русь,
И разбитою рукою
Я крещусь, крещусь.

Вижу: скошенные нивы,
По буграм седой костырь,
Словно плакальщицы, ивы
Склонены в пустырь.

По лесам гуляет осень,
Мнет цветы, стряхает лист.
И над нею синь и просинь
И синичий свист.

Та же явь и сон старинный,
Так же высь и даль слились;
В далях, в высях журавлиный
Оклик: берегись!

Край родной мой (все, как было!)
Так же ясен, дик и прост, —
Только лишние могилы
Сгорбили погост.

Лишь печальней и плачевней
Льется древний звон в тиши
Вдоль долин родной деревни
На помин души, —

Да заря крылом разбитым,
Осыпая перья вниз,
Бьется по могильным плитам
Да по крышам изб... *

[1922, 1927]

У моего окна такая высь и ширь,
Такая тишина, отрада и обилье:
Под ношей гнется сад, за ним, как плат, — чигирь,
А по бокам дубки стоят, сложивши крылья.

Забудь же, друг, беду, сгони с унылых глаз
Печаль и глянь без слез хоть раз с любовью:
Звезду прекрасную принес вечерний час
И свет для нас зажег у изголовья.

О, тих ты и прозрачен синий полог звезд,
И я живу, живу, — не ожидая срока.
И лишь, как памятка о родине далекой,
Вдали с крестами деревянными — погост.

Лежат там пахари, степные косари,
Переодетые в солдатские шинели, —
И запеклись уста, и щеки посинели,
И очи на зарю, но холодней зари.

И донесение последнее, — в обшлаг
Вспехах засунута напутная молитва.
О будь благословен твой каждый робкий шаг,
И друг, и враг, бежавший с поля битвы. *

[1922, 1927]

УЛЮСЬ

Улюсь, Улюсь, лесная речка,
Ты увела меня в леса,
С одной веревочной уздечкой,
С луконцем звонкого овса.

Вчера коня ловил, ловил я:
Хотел с полос возить снопы
И вот набрел по чернобылью
На невозвратные тропы.

Меж кочек шуркнули дорожки.
И я один и не боюсь.
Ой, сколько пьяники, морошки
По мху разбросила Улюсь.

И словно манит тонкой кистью
Черемухи росяный куст,
И слышится мне шорох листьев
И шопот человечьих уст:

Останься здесь, сбери бруснику,
Малину в сумку собери,
Да помолись златому лику
Неугасающей зари.

Здесь на тебя былые предки
Глядят, склонивши седины,
И в думы их вплелися ветки,
И в быль несгаданные сны.

Здесь до зари у тихой речки
Горит всю ночь звезда-огонь.
А для твоей простой уздечки
Пасется золотистый конь.

Здесь сквозь туман синеют села,
Пылает призрачная Русь.
Останься ж здесь в плену веселом
В лесу, у голубой Улюсь.

[1922, 1927]

В тумане хижина моя,
И смотрят звезды строго,
И рдеет тонкая ладья
У моего порога.

Ах, что уносишь ты — беду
Иль юность веешь дымкой?
Уж не с того ли я бреду
На людях невидимкой?

И может было, может нет, —
Я ждать и плакать бросил;
И сладок мне вечерний свет
И след от тихих весел, —

Вечерний свет, туманный круг
И парус твой рыбачий, —
Чудесный гость, безвестный друг,
Недуг любви ребячей!..

1927]

Земная светлая моя отрада,
О птица золотая — песнь.
Мне ничего, уж ничего не надо,
Не надо и того, что есть.

Мне лишь бы петь да жить, любя и веря,
Лелея в сердце грусть и дрожь,
Что с птицы облетевшие жар-перья
Ты не поднимешь, не найдешь.

И что с тоской ты побредешь к другому
Искать обманчивый удел,
А мне бы лишь на горький след у дома
С полнеба месяц голубел:

Ведь так же будут плыть туманы за ограду,
А яблонные платья цвесть, —
Ах, милый друг, мне ничего не надо,
Не надо и того, что есть...

[1922, 1927]

Пылает за окном звезда,
Мигает огоньком лампада;
Так значит суждено и надо,
Чтоб стала горечью отрада,
Нивесть ушедшая куда.

Над колыбелью — тихий свет
И как не твой — припев баюнный...
И снег... и звезды — лисий след...
И месяц золотой и юный,
Ни дней не знающий, ни лет.

И жаль и больно мне спугнуть
С бровей знакомую излуку
И взять, как прежде, в руки — руку:
Прости ты мне земную муку,
Земную же радость — не забудь!

Звезда — в окне, в углу — лампада,
И в колыбели — синий свет.
Поутру — стол и табурет.
Так значит суждено и — нет
Иного счастья и не надо!.. *

[1923, 1927]

Родился я и жил поэтом,
А жизнь поэта — страх и боль, —
Любовь и боль, но и не в этом
Поэзии и жизни соль...

Пройдет все это и — в сторонку...
Но вот: уж мне за тридцать лет —
Под кровлей: новый голос, звонкий,
Такой же, как и я — поэт —

Тепло укрытый и одетый,
Немного неуклюж, раскос,
И столько в нем разлито света
И светлых беспричинных слез!

Светец и зыбка, и чрезмерный
Горластый, непосильный плач, —
Залог единственный и верный
Тревог, удач и неудач.

И милы желтые пеленки,
Боюканье и звонкий крик:
В них, как и в рукописи тонкой,
Заложен новой жизни лик.

[1923, 1927]

Надела платье белое из шелка
И под руку она ушла с другим.
Я перекинул за плечи кошелку
И потонул в повечеровый дым.

И вот бреду по свету наудачу,
Куда подует вешний ветерок,
И сам не знаю я: пою иль плачу,
Но в светлом сиротстве не одинок.

У матери — у придорожной ивы,
Прильнул к сухим ногам корней,
Я задремлю, уж тем одним счастливый,
Что в мире не было души верней.

Иными станут шорохи и звуки,
И спутаются с листьями слова,
И склонит облако сквозные рукава,
И словно не было и нет разлуки.

[1922, 1927]

Люблю свой незатейный жребий
И хутор с лугом и леском —
Зарю за изгородью в небе,
Заботу о едином хлебе,
Хоть жив и не одним куском...

Кормить семью и для скотины
Косить по зарослям ковыль, —
Здорового лелеять сына,
Надежный к старости костыль...

Мое хозяйство и усадьба —
Как крепко скрученная нить,
Хоть хлопотливо, как на свадьбе,
Где нужно всех кормить, поить.

Под вечер — словно безголовый,
Но, как в заутреню, встаешь,
Когда у опуши еловой
По пару надо сеять рожь...

За хлопотливою обедней
В поклонах снова целый день,
И не заметишь, как соседний
Опять встуманится плетень.

В нераспоясанной рубахе
Заснешь кой-как, и сонный слух
Чуть ловит, как воркует вяхирь,
Чернополосный, нивный дух.

И вот на жестком изголовьи
И спится, может, так тебе,
Что налит до краев любовью, —
Заботой о судьбе коровьей,
Как и о собственной судьбе...

[1923, 1927]

ТАЛИСМАН

(1927)

Юность — питье солодовое,
Без опохмелки — дурман.
Поле, калитка садовая...
Месяц, да белый туман...

Только узнаешь по времени, —
Горек и короток век —
Выпадет проседь на темени,
Вывалит по полю снег.

Годы, как воды с околицы,
Дни, как с горы полоза,
Щеки щетиною колются,
Лезет щетина в глаза.

И не смекнешь, как под ношею
К осени сгорбится сад,
Как из гнезда пред порошею
Выведешь в поле лисят.

Только узнаешь по времени, —
Горек и короток век.
Не разгадаешь: зачем они,
Реки, стекают из рек, —

Воды сбегают с околицы,
Ходят под оконьем дни,
Теплит заря-богомолица
В вечери, в утре огни?

Только узнаешь по осени, —
Был ты и есть ты, как тут!
Были друзья, да небось они
В белесь да темь не пойдут.

Скрипнет вот вечер калиткою,
Шу́кнет вот ночь у ворот, —
Выбежишь: облак каликою
По полю, сгорбясь, идет.

Выпьешь тут ковшик до донышка,
Стукнешь тут в донышко раз,
И не покажет уж глаз
Месяц — цыганское солнышко.

[1923

ЛИХО

Как странник, ходит Лихо человечье
И как его не пустишь ночевать:
Войдет оно и прикурнет за печью
Или мешком забьется под кровать...

И будет вечер долог и недужен,
За печкой заглотается сверчок,
Остынет печь, в печи прокиснет ужин
И накоптит у лампы язычок...

И дело ли шататься по соседям?..
Вдвойне не прок, коли зайдет сосед:
Сидит, молчит, и ты глядишь медведем,
Пока в избе сам не погаснет свет...

Погаснет свет, а ночь черна, как копоть,
И страшно на окошки поглядеть...
... И всю-то ночь тревожно будет хлопать
Петух крылом и не во время петь...

... И не поймешь: тревога в сердце, в небе ль
Такая темень от осенних туч...
... И только в полночь, словно хилый стебель,
На подоконнике согнется луч...

А поутру жена поставит чашку,
В тягучий квас накрошит мелко лук...
... И сядет Лихо в образе монашка
За хлеб и соль хозяйскую сам-друг!..

Оглянет всех уныло и устало:
Так долго шел и вот итти опять...
И подойдет себе и детям малым
Жена благословение принять...

Привстанет он и полу приоткинет,
Ножом слегка надрежет в ряске шов...
И, как из мглы, из черной рясы вынет
С головкой сургучевой полуштоф...

Пригубит сам из синего стакашка
И хмурому хозяину мигнет...
... Хозяин сядет около монашка,
И гость ему большой стакан нальет...

Разломит жизнь, как хлебную краюху,
Большой ломоть за окна бросит псу,
И пес залает и завоет глухо,
Как бы напав на волчий след в лесу.

Завоет глухо, словно в голодуху.
Душистый хлеб страшней, чем мерзлый ком.
... Глядь: не монах в углу, а молодуха
Расчесывает косы гребешком...

Сидит она и весело смеется,
И весело оглядывает всех...
И серый глаз светлей воды с колодца,
И смех свежей, чем первый белый снег...

Жена заплачет, и заплачут дети,
Все кувырком и встанет на дыбы...
И сам тогда все проклянешь на свете,
И доведешь весь дом до худобы...

И если кто случится о ту пору,
С дороги ль дальней навернется сват,
Не загостит, а соберется скоро,
Увидя под иконами ушат.

И ни с того нахлестывая лошадь
Большим кнутом во впалые бока,
В пути он будет луг и лес полошить
И не заметит сзади седока!

Не прячь беду от свата и соседа
И не скрывай ошибку иль вину —
Как гончая на жировом гону
В следах людских беда собьется с следу!

[1926

Если б жил я теперь не за Пресней,
Где труба заслонилась трубой,
Ах, вот если... еще бы раз если...
За ворота я вышел бы с песней
И расстался бы нежно с тобой!

Я ушел бы в туман на поляну
И легко перенес бы обман...
И подплыла б луна как беляна...
И всплыла б звезда-талисман!

А теперь эти дни как оглобли!
Словно скрип от колес — эта жизнь!
Не навек ли тогда, не по гроб ли
Мы, не ведая слез, поклялись?

Кто же думал, что клятва — проклятье?
Кто же знал, что так лживы слова?
Что он нежного белого платья
На заплатки пойдут рукава?

Юность, юность! Залетная птица!
Аль уж бороду мне опустить?
Аль уйти и ни с кем не проститься,
Оглянуться с пути и простить?

И страшусь я и жду сам развязки...
И беглец я, и ... скорый гонец!
Так, у самой затейливой сказки
Нехороший бывает конец...

И когда я в глаза тебе гляну,
Не поймешь уж теперь... не поймешь,
Что луна на ущербе — беляна,
Аль из сердца исторгнутый нож?..

Ну и что ж? — Плакать тут, на народе,
Душу черпая с самого дна?
Всякий скажет: ”чудак или... в роде...
Видно кость ему ломит к погоде,
И виски бередит седина!”.

Я мир любил да и люблю
Душой теперь уже неполной,
Мне люди были, словно волны
В безвестном море кораблю!

Прекрасна среди волн гроза,
Бездумна тишина морская!
Одно запомнили глаза:
Немое дно и птичьи стаи!

Не жаль мне было корабля,
И сердце трепетало в крике,
Когда качалася земля,
Вдали взнося щиты и пики!

Вот в непреложный, в вещий срок
Свершится сон золотоглавый!
И кто открыть тогда бы мог
Судьбу с улыбкою лукавой?

Что может быть и так, и сяк...
Но где же тут понять издевку,
Когда полощет кровь в костяк,
Как флаг, без надписи по древку!

Прошли года и вот: земля
И счастье горестней напасти!
Давно сошел я с корабля
И на чердак запрятал снасти...

Болит уже к погоде кость,
И в сердце столько недоверья,,
Когда зайдет случайный гость
И тихо постучит за дверью...

Привет тебе, закатный свет!
Но кто же, вспоминая, тужит,
Когда сынишка-непосед
Пускает корабли по луже?..

В кудряшках лучик от зари...
А хорошо теперь и мне бы
Подуть на лужьи пузыри
И опрокинутое небо?!..

И вот, когда к окну прильну,
Следя за ним, иль так прилягу,
Черчу я лодку на бумагу
И уплываю на луну!.. *

Весной на проталой полянке,
Где виснет туман пеленой,
Устроили зайцы гулянки
И встречу весны под луной.

И зайцы по-заячьи пели,
Водили за лапки зайчих,
И радостно сосны шумели,
И звезды качались на них.

Всю ночь я бродил все и слушал.
Ах, друг мой, откроюсь тебе:
За бедную заячью душу
Я так благодарен судьбе. *

[1922

Дорога кошелка нищему,
  А жизнь дороже все ж.
Оттого за голенищами
  И прячет нищий нож...

Прячет нож, и мне бы нужен он:
  Я слаб, а враг свиреп.
Только вот я сам за ужином
  Ножом лишь режу хлеб...

Славя мир и вечерь тайную,
  И дым над очагом,
Рад я мякоть каравайную
  И кров делить с врагом.

Для друзей, какие б ни были,
  Не жаль и жизнь отдать.
Но страшней самой погибели
  Над сердцем рукоять...

Лучше все отдать разбойнику
  И бросить в битве меч,
Чем в холодный гроб с покойником
  Живой душою лечь...

Жизнь жива живою пищею,
  А смерть и злоба — ложь...
Оттого-то в сумку нищую
  Я и не прячу нож...

[1926

На речке вода убывает,
Ольхой розовеет погост,
И день, как весной лишь бывает,
Встает поутру во весь рост...

Как взбиток, белеется пена,
В два пальца свистят кулики,
И роща взошла по колена
В поемные воды реки...

Весна раскидала кладинки,
От моста лишь сваи торчат,
И стукают льдинки о льдинки,
Как чарки в застольи стучат...

А солнышко! — Словно с разбегу.
С холма из-за лысых ракит
Свою золотую телегу
Все выше и выше катит.

И редко, средь синего взгорья,
Привстанет под облако в тень
Вздохнуть, от зари да на зорю,
Звеня бубенцами весь день...

[1925

МЕДВЕЖАТА

Давно тому железную дорогу
Вели у нас среди лесных болот...
... В кустах нашли последнюю берлогу
И в ней двух медвежат — сирот...

Смешные два такие медвежонка,
Уж больно были глупы и малы...
... И с той поры таежную сторонку
Сковали рельсы, словно кандалы!

... Пушистый мох закрыл следы и тропки,
Нахмурил бровь в сухмень сосновый яр,
Когда от искр из паровозной топки
С конца в конец прошел большой пожар...

... Ушли медведи, и подались лоси,
На гари леший обернулся в пень...
... И самому мне тоже довелося
Перескочить за дедовский плетень...

... Теперь столбы шагают из болота,
Неся в руках стальные провода,
И в ноги им спадает позолота,
Плывет с реки осенняя слюда...

... Совсем в сторонке лес стоит как нищий,
Гнусаво тянет про себя аминь!..
... Взойдет луна и словно что-то ищет
И цедит сверху золото и синь...

... И у села, куда в овес нежатый
От облака ложится полусвет,
Играют золотые медвежата,
И бродит бурый муравьед...

[1925

ИВАНУШКА

Иванушка — рубаха-парень,
Кровь с молоком, в плече — сажень,
Крутая грудь — кузнечный сварень,
Да ходит сваха — злая старень:
Ему высватывает пень...

Из леса, где шумят березы,
Глядит пенек с речной косы, —
На нем в урочные часы
Горят аленушкины слезы
Светлее утренней росы.

И не прогонишь злую сводню,
И не отмашешь от окон
Ни свечкой, ни крестом господним,
Ни черным словом преисподним,
Ни вербным прутиком с икон.

Зато и святки с ней — не в святки, —
Не до гульбы, не до потех:
Эх, даже кудри — только смех,
Коли зипун, латы да латки,
Да дыры черные прорех...

Коли у барыни в палате
Щенков выкармливает мать,
А тяти нет — давно нет в хате:
Ушел он в каторжном халате
За суку барскую страдать...

Глядит в окно луна-сычиха,
В окно стучит сиротка-ель,
Грозит веревкою качель,
И гонит девок Салтычиха —
Простоволосая метель...

Метель селом бредет вразвалку,
В руке колодезная жердь...
Сидит Аленушка за прялкой —
И ей не больно и не жалко,
Что скоро в гости будет смерть.

У Салтычихи руки — крюки.
На пальцах — когти как крючки,
И бородавки как сучки,
И шевелятся две гадюки
В бровях нахмуренных — зрачки...

Как в терему, под белой елью
Горит крещенская свеча, —
Сидит подружка за куделью,
И кровь с иглы на рукоделье,
Как нитка красная, — с плеча...

Подружка шьет ему рубаху,
Обводит ворот кумачом,
Чтоб не тужилось ни о чем,
Чтоб — коль судьба — так уж без страху
На плаху лечь пред палачом...

Палач угрюм и нем, как рыба;
Широк у Салтычихи двор:
Среди двора качель, как дыба,
Под дыбой — плаха и, как глыба,
На плахе — пудовой топор.

И кто качался на качели,
Тому не мил был белый свет, —
О том уж и помину нет,
О том и ветры отшумели
И замели поземкой след.

Иванушка нескладно скроен,
Замешан круто, крепко сбит:
Вскормлен землей, слезами вспоен
И весь он — как Аника-воин,
А сердце — как аникин щит...

От века — доброта и сила,
От века — могута и лень:
И, знать, занялся в кудрях день,
Иль то гнездо Жар-птица свила
Под равной шапкой набекрень?!..

В очах — два озера и небо,
В плечах почила ширь полей,
А зубы с черствой корки хлеба,
С воды озерной — на потребу —
Озерной кипени белей...

Глядит в окно луна-сычиха,
И белой ручкой ель стучит,
А кровь с иглы точит-сочит,
И кровь, как нитку, Салтычиха
Из груди девичьей сучит...

Подружка ждет его и манит,
До пяток косы — два найма,
В очах как будто роща вянет,
Когда за рощею туманит
И от зари плывет кайма..

Подруга шьет ему рубаху,
Кладет на ворот багрянец,
Чтоб по селу с конца в конец
Прошел Иванушка на плаху,
Как красной горкой под венец...

Не плачь, Аленушка, на ки́ку,
Не порти белого лица:
Есть у Иванушки-Аники
Зубец от вил, острее пики,
Коса, вернее кладенца...

Над ним крещенской полуночью
Сквозь кровлю светится звезда;
В руках луч месяца — узда;
Как колокольчиком, стрекочут
Сверчком запечным повода...

Под ним, как конь, звенит подпругой
И пышет глиняная печь,
И мчит его в пургу и вьюгу, —
И не зипун уж, а кольчуга
Спадает с богатырских плеч.

Закинет соху он на тучу
И на поля нахмурит бровь,
И потечет по полю кровь,
И прорастет крапивой жгучей
Мечом запаханная новь...

И руки вспружатся, как клешни,
И на устах замрут слова,
И там, где годы в сини вешней
Качалась под окном скворешня, —
Качнется вражья голова...

Не будет песен и запевок,
Замолкнет колокольный звон,
Зайдет луна за небосклон,
И семьдесят безумных девок
Стучаться будут у окон...

Стучаться будут у порога,
Будить и звать хребетный люд, —
И, кто вчера молился Богу,
В полуночь выйдет на дорогу
И будет яростен и лют.

Как в пашню, втянется в заплечье,
Не будет пить, забудет есть...
Как листопад — куда нивесть —
На ветер жизни человечьи
Вскружит иванушкина месть!

Но не для ради злой потехи
Он будет ратовать и мстить:
В полях заря поставит вехи,
Где на-земь сбросит он доспехи,
Чтоб все забыть и всем простить. *

[1924

Была душа моя светла
Той теплотою человечьей,
С какою глупая ветла
Хватает путника за плечи!

С какой приземистая рожь
Отвешивает всем поклоны...
С чего же, милый друг, с чего ж
Под бровью огонек зеленый?..

Иль за плечами добрый дух
Сложил лазоревые крылья?..
Уж не с того ли, верный друг,
Порою зол, порой уныл я?

Ах, знаю я, что злоба — ложь,
И нету тяжелее муки
Познать, что чаще прячут нож,
Когда на сердце держат руки!

Что часто и друзья мои
В признанья, сказанные с дрожью,
Мешают тайный яд змеи,
Что на друзей и сам похож я?

О, эта золотая дрожь
И взгляд, с участьем оброненный,
С каким отвешивает рожь
И под серпом земле поклоны!

Тяжка людская коловерть!
И все ж, смирясь душою сирой,
В ней надо встретить даже смерть,
Как нежное лобзанье миру!

В ГОСТЯХ У ЖУРАВЛЕЙ

(1930)

Уставши от дневных хлопот,
Как хорошо полой рубашки
Смахнуть трудолюбивый пот,
Подвинуться поближе к чашке...

...Жевать с серьезностью кусок,
Тянуть большою ложкой тюрю,
Спокойно слушая басок
Сбирающейся на ночь бури...

Как хорошо, когда в семье,
Где сын жених, а дочь невеста,
Уж не хватает на скамье
Под старою божницей места...

...Тогда, избыв судьбу, как все,
Не в диво встретить смерть под вечер,
Как жницу в молодом овсе
С серпом, закинутым на плечи.

(1928) [1929

Моя душа дошла до исступления
У жизни в яростном плену,
И мне не до заливистого пенья
Про соловья и про луну!

Легла покойницей луна за тучу,
Давно умолкнул соловей,
И сам себя пугаю я и жучу
Остатком радости своей...

И сам не знаю я, горит ли это
Любви обугленный пенек
Иль бродит неприкаянный по свету
Зеленый волчий огонек!..

Ни выдумка веселая, ни шалость,
Ни смех не прозвенит в избе, —
Все отошло и все смешалось
В глухой и призрачной судьбе...

Так осенью в ночи над волчьим лазом
На ветке хохлится сова,
Пред зимней спячкою едва
Водя одним полуоткрытым глазом...

[1929

Я устал от хулы и коварства
Головой колотиться в бреду,
Скоро я в заплотинное царство,
Никому не сказавшись, уйду...

Мне уж снится в ночи безголосой,
В одинокой бессонной тиши,
Что спускаюсь я с берега плеса,
Раздвигаю рукой камыши...

Не беда, что без пр́олаза тина,
И Дубна обмелела теперь:
Знаю я, что у старой плотины,
У плотины есть тайная дверь!

Как под осень опушка сквозная
И взглянуть в нее всякий бы мог,
Но и то непреложно я знаю,
Что в пробоях тяжелый замок!

Что положены сроки судьбою,
Вдруг не хлынули б хляби, и синь,
Где из синих глубин в голубое
Полумесяц плывет, словно линь...

Вот оно, что так долго в печали
Все бросало и в жар и в озноб:
То ль рыбачий челнок на причале,
То ль камкой околоченный гроб!

Вот и звезды, как окуни в стае,
Вот и лилия, словно свеча...
Но добротны плотинные сваи
И в песке не нашел я ключа...

Знать до срока мне снова и снова
Звать и плакать, и ждать у реки:
Еще мной не промолвлено слово,
Что как молот сбивает оковы
И как ключ отпирает замки.

[1929

О, если бы вы знали слово
От вышины и глубины,
Вы не коснулись бы покрова
Лесной волшебницы — Дубны...

Не смяли б плечи перекатов
И груди влажных берегов,
Где плыл закат, багрян и матов,
Под звон охотничьих рогов!

Где сдревле сом стерег на плесе,
Скрутивши длинным усом, смерть,
А золотые бивни лося
Века поддерживали твердь...

О, если бы вы знали слово,
Что под луной хранят в ночи
От древности седые совы,
От века мудрые сычи...

(1928)

Как прежде все в знакомом перелеске,
  Прозрачны синь и тишина...
Висят меж сучьев звезды, как подвески,
  И как на ниточке луна.

И то ль во сне скрипят вдали обозы,
  То ль в памяти родимых мест...
Но непохожи старые березы
  На пышный хоровод невест!

В лесу не раз слиняли шкурки куньи,
  Не раз сменилася листва, —
И эта ночь с колечком новолунья
  Уж не напомнит сватовства!..

Да и причудных стариц в перелеске
  С висков пробила седина,
И ждут они, рассыпавши подвески,
  Не жениха, а колдуна...

(1928) [1929

Любовь — неразумный ребенок —
  За нею ухаживать надо
И лет до восьми от пеленок
  Оставить нельзя без пригляда...

От ссоры пасти и от брани
  И няню брать с толком, без спешки...
А чтоб не украли цыгане
  Возить за собою в тележке!

Выкармливать грудью с рожденья,
  А спать класть у самого сердца,
На стол без предупрежденья
  Не ставить горчицы и перца!

А то может так получиться,
  Что вымажет ручки и платье,
И жизнь вся пропахнет горчицей,
  А с горечью что ж за объятья!

И вот за хорошим уходом
  Поднимется дочь иль сынишка —
И брови крутые с разводом,
  И щеки, как свежие пышки!

Но так, знать, положено нам уж,
  Что счастью не вечно же длиться:
И дочь может выскочить замуж,
  И может сынок отделиться!

Ребенок же слабый и хилый,
  Во всем обойденный судьбою,
С тобой доживет до могилы
  И ляжет в могилу с тобою!

С ним только вот, кроме пеленок,
  Другой не увидишь отрады:
Любовь — неразумный ребенок,
  Смотреть да смотреть за ней надо!

От поля с мягкою травою
Я нежность получил в удел,
И долго в этот мир глядел
Упавшей с неба синевою.
В лучах и звездном изумруде
Мир так велик, а я так мал!
И долго я не понимал,
С чего же усмехались люди?!..

Запевши робко и несмело,
Я каждый лишний год и день
Следил со страхом, как тучнела
К ногам положенная тень...
Как полнилась по капле ядом
Душа, раскрытая до дна,
Когда, как тихая лампада,
Пред миром теплилась она...
Я разглядел, как в злой измене
Редеет и косится бровь,
И сам бросался на колени,
Ложь принимая за любовь!
Я сам стал лживо понемногу
И чувствовать, и понимать...
И вот с годами и тревогой
Мне даже почужела мать!

Теперь оброс я крепкой шкурой,
Я, слава Богу, огрубел,
И часто в сутолоке дел
Судьба мне смотрит в спину дурой!
... А мир все тот же, и на взгорьби
Все так же льется синева...
И в душу просятся слова
В венце и нежности, и скорби.

Пока из слов не пышет пламя
И кровь не рвется на дыбы,
Я меж бездельем и делами
Брожу, как мученик судьбы!..

Не веселит тогда веселье
И дело валится из рук,
И только слышен еле-еле
Мне сердца дремлющего стук!..

Потянутся лихие годы
В глухой и безголосой мгле,
Как дым в осеннюю погоду
Прибитый дождиком к земле!..

И в безглагольности суровой,
В бессловной сердца тишине
Так радостно подумать мне,
Что этот мир пошел от слова... *

(1928)

Ко мне мертвец приходит
В глазах с немой тоской,
Хотя и нет в природе
Обычности такой...

Он — гость иного царства
И ходит много лет...
Нет от него лекарства
И заговора нет...

Нет от него молитвы,
Да я и сам отвык
Молиться, в память битвы
Повеся в угол штык...

Мне штык был другом добрым...
Защитник мой и страж,
Не раз, прижатый к ребрам,
Он отбивал палаш...

Но раз безвестный ворог,
Припертый им врасплох,
Скатился под огорок,
Отдав последний вздох...

С тех пор ко мне он ходит,
В глазах с немой тоской
И по подушке водит
Холодною рукой...

И вот теперь покаюсь,
Что, затаивши крик,
Спросонья я хватаюсь
За мой бывалый штык...

И часто вместе с гостем
Мы слушаем вдвоем,
Как, разбирая кости,
Хрустит он лезвеем... *

Черныш — чудна́я птица,
Он любит глушь и тишь,
И как не покреститься,
Когда слетит черныш?..

По крайности в рубаху
Мужик сует кресты,
Когда черней монаха
Он сядет на кусты...

С такой он бровью пылкой,
И две его ноги
По самые развилки
Обуты в сапоги.

И стоит, если близко,
Вглянуться в кулачок:
Он в траурную ризку
Завернут, как дьячок!..

И слышал я поверье,
Что у него с хвоста
Торчат такие перья,
Быть может, не спроста...

Что этот хвост на лиру
Походит всем на вид,
С какой ходил по миру
Блаженный царь — Давыд!..

И что в исходе ночи
Теперь в лесную сырь
Черныш весной бормочет
За мужика псалтырь...

Что раннюю достойну
Он правит у реки,
И могут спать спокойно
На печках мужики.

Крикливы и прожорливы вороны,
И по-лесному вежливы дрозды,
И шагу без глубокого поклона
Не сделают грачи у борозды...

Нет ничего красивее оборок
И подвенечных платьев голубей;
Сова сонлива, ястреб быстр и зорок,
Пуглив, как мелкий жулик, воробей...

Имеет признак каждое творенье:
Заливист соловей и робок чиж...
Откуда же такое удивленье,
С каким ты на меня всегда глядишь?..

Плывет луна и воют волки,
В безумии ощерив рот,
И ель со снежною кошолкой
Стоит, поникнув, у ворот!..

Закрыл метельный саван вполье
И дальний лес, и пустоша...
И где с такой тоской и болью
Укроется теперь душа?..

Все слилось в этом древнем мире
И стало все теперь сродни:
И звезд мерцание в эфире,
И волчьи на снегу огни!..

Рыбак, не езди в бурю,
Когда со дна на берег
Бегут в лохматой шкуре
Чудовища и звери...

Пусть сеть другой закинет,
От месяца улыбку
Приняв в седой пучине
За золотую рыбку...

Челнок его потонет,
Не выйдет он на сушу...
Себя он похоронит,
Погубит свою душу!..

К утру уймется качка
И стихнет ветер крепкий,
И вдовая рыбачка
Сберет на память щепки...

А ты восславишь солнца
Ликующую славу
И парус с плоскодонца
Прибережешь на саван!..

Рыбак, не езди в бурю,
Когда со дна на берег
Бегут в лохматой шкуре
Чудовища и звери... *

(1928)

Всегда найдется место
Для всех нас на погосте,
И до венца невесту
Нехорошо звать в гости...

У червяка и слизня
И то все по укладу,
И погонять ни жизни,
Ни смерти нам не надо!

Всему пора и сроки,
И каждому страданью
У матери жестокой —
У жизни оправданье!

И радость и кручина,
Что горько и что сладко,
Пусть все идет по чину,
Проходит по порядку!..

И потому страшнее,
Нет ничего уловки,
Когда себе на шею
Кладут петлю веревки...

Страшны пред ликом смерти
В отчаяньи и скуке
С запискою в конверте
Опущенные руки!..

Пусть к близким и далеким
Написанные кровью
Коротенькие строки
Исполнены любовью —

Все ж роковой записке
Меж кротких слов прощенья
Для дальних и для близких
Таится злое мщенье.

Для всех одна награда
И лучше знают кости,
Когда самим им надо
Улечься на погосте! *

Пригрезился, быть может, водяной,
Приснился взгляд — под осень омут синий!
Но, словно я по матери родной,
Теперь горюю над лесной пустыней...

И что с того, что зайца из куста
Простой ошибкой принял я за беса,
Зато, как явь, певучие уста
Прослышал я в немолчном шуме леса!

Мне люди говорят, что ширь и даль
За лесом сердцу и глазам открылась,
А мне до слез лесной опушки жаль,
Куда ходил я, как дьячок на клирос!

Жаль беличью под елью шелуху
И заячьи по мелколесью смашки...
Как на мальчишнике засевшую ольху,
Одетую в широкие рубашки!

Жаль стежки лис, наброшенные в снег,
Как поднизи, забытые франтихой,
И жаль пеньки и груды тонких слег,
Накрытых синевою тихой...

Вздохнуть на них присядет зимний день,
И смотрит вниз, не подымая взгляда...
И тень от облака да я, как тень,
Бредем вдвоем по дровяному складу...

А мужикам, не глядя на мороз
Приехавшим за бревнами на ригу,
Я покажусь с копной моих волос
Издалека похожим на расстригу!

Должно быть я калека,
Наверно я урод:
Меня за человека
Не признает народ!

Хотя на месте нос мой
И уши как у всех...
Вот только разве космы
Злой вызывают смех!

Но это ж не причина
И это не беда,
Что на лице — личина:
Усы и борода!..
... Что провели морщины
Тяжелые года!

... И полон я любовью
К рассветному лучу,
Когда висит над новью
Полоска кумачу...
... Но я ведь по-коровьи
На праздник не мычу?!

Я с даром ясной речи
И чту я наш язык,
Я не блеюн овечий
И не коровий мык!

Скажу я без досады,
Что, доживя свой век
Средь человечья стада,
Умру, как человек!

Хорошо, когда у крова
Сад цветет в полдесятины...
Хорошо иметь корову,
Добрую жену и сына...
Вдосталь — силы, в меру — жира,
В жилах — тихое тепло...
Словом — жизнью жить здоровой,
Не мотаяся по миру,
Как по осени трепло.

Нет судьбы бездомной лише,
Мало радости хоть на день
Под чужой остаться крышей,
Где и темным ликом складенв,
И ухват, расставив ноги,
Смотрят: что за человек?!..
Сразу в доме станет тише,
Если ты, свернув с дороги,
Постучишься на ночлег!
Из закуты иль приделка
Строго выглянет хозяин...
Изойдешь тут дрожью мелкой,
Истряшешься тут, как Каин!..
Даже будь сто раз знакомый,
Так и то стрельнет в костях
И метнется сердце белкой;
Дай Бог каждому жить дома
И поменьше быть в гостях!

Сегодня день морозно-синий
С румянцем был во все лицо,
И ели, убранные в иней,
Обстали к вечеру крыльцо.

Вздыхая грузно на полатях,
До света грежу я всю ночь,
Что это девки в белых платьях
И между ними моя дочь...

Глаза у них круглы и сини
Под нежной тенью поволок,
И на верху, по середине,
Луны отбитый уголок...

Глаза их радостны и чисты,
А щеки мягче калачей...
... И звезды снизаны в мониста
На нити тонкие лучей!

И дух такой морозно-синий,
Что даже распирает грудь...
И я отряхиваю иней
С висков, но не могу стряхнуть! *

Брови черной тучи хмуря,
Ветер бьет, как плеть…
Где же тут в такую бурю
Уцелеть!

Только чудо, только случай
В этот рев и гуд
Над пучиною зыбучей
Сберегут!

Но я верю в час удачи,
В луч моей звезды:
Пусть валы, как кони, скачут
Без узды!

Верю я и каждым словом,
Как багром тугим,
Подбираю сеть с уловом
Дорогим!

Знал мой дед такое слово,
Правда, это было встарь,
Жизнь начать с ним можно снова,
Словно трепаный букварь!

Дед ушел с волшебным словом,
Не простившись, на тот свет
И со внуком непутевым
Приключилось много бед...

Если б слово дед оставил,
Много промахов, грехов,
Я избег бы и исправил,
Но... не трогал бы стихов!

Дорожу я каждой строчкой,
Каждой рифмой и стопой,
Словно радостной отсрочкой
У волшебницы слепой!

Часто к дому подступая,
Слыша рифмы воркотню,
Смерть слепая и скупая
Сонно валится к плетню!

По соседству с злой колдуньей,
В блеске призрачном косы,
Я спешу у полнолунья
Скрасть короткие часы, —

Под луной золотоокой,
Проплывающей в тиши,
Перелить в тугую строку
Страх и боль моей души!

Счастье, радость и страданье,
Чуя близко ночь и тьму,
Я кладу, как подаянье,
Смерти в нищую суму...

Видно все же я по крови
В малой доле волшебства
С силой дедовскою в слове
Связан узами родства...

И пускай мне выйти не в чем,
Пусть темно в моем углу,
Все ж пою я сердцем певчим
Жизни славу и хвалу!

СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ

ЛЕСОВИК

Я родился на постели
Колких игол, мхов,
Я качался в колыбели
Смоляных сучков.

Водяниха на крестины
С водяным пришла.
На корягах у плотины
Из зеленых ниток тины
Мне рубашку водяниха, ведьма старая, сплела.

Хмурый, дикий в дымной хате
Я с шишигой рос.
Шел я в чаще, как в палате,
А вокруг толпились рати
Сосен-старцев величавых, и седых, как лунь, берез.

Дядя Ветер вдруг из тучи
Прыгнет на крыльцо,
Прянет лесом, пьяный, злючий,
Завернется в листья-кучи
И поет и нежно гладит мшистой лапой мне лицо...

То плутовски спрячет рыло
За сухим дуплом,
Все расскажет: где-что было,
Где лешиха клад зарыла,
Под какой гнилою плахой, под каким кустом.

Ночью Месяц, утром Солнце
Выйдут в облака,
Засмеются мне в оконца.
Сыплют сверху в лес червонцы,
Сыплют горстью в дыры, в щели на солому чердака.

[1907

МОЯ КУЗНИЦА

Вьется искр каленый ворох
Черный, красный хоровод.
Я кую в глубоких норах,
Где земли сомкнулся свод.

Озаренный, дикий, храбрый,
Я — согбенный у станков;
Ветром в пламя дышут жабры,
Жабры грозные мехов.

В смертных корчах бьются груды,
Стонут в черных глотках труб.
В руки мне стекают руды
С жарких, страстных, черных губ.

Я земные брони-горы
Плавлю в огненной печи:
Миру я кую запоры,
Для себя кую ключи.

[1907

БОВА НА РАССВЕТЕ

М.И. Чайковскому

В дальней, дальней стороне,
Где светает синева,
Где синеет Торова,
В красном, лисьем зипуне
Выезжает на коне
Из грозóвых туч Бова...

Звезд высоких полоса
Колосится над луной,
Под туманной пеленой
Близко у моря леса,
Над вспененною волной
Облака, как паруса...

И стучит студеный ключ
В звонком, горном хрустале,
И сверкает булава,
И, спускаясь по скале,
Выезжает из-за туч
К морю синему Бова...

[1912

СЕРГЕЮ ГОРОДЕЦКОМУ

Душе милее славы
Молвы людской милей
Весенний гул дубравны
И крики журавлей!

Нет таинства чудесней
Нет красоты иной,
Как сеять зерна с песней
Над вешней целиной!

Шагать с косою в поле,
В туман одетый луг —
Пусть, милый друг, мозоли
Весной не сходят с рук! —

Пусть жизнь пройдет, приснится,
Но ты, клонясь к земле,
Могучую десницу
Почуешь на челе;

И грозными очами,
Смирясь под синевой,
Бог осенит лучами
Твой вечер трудовой!

[1913

Мы отошли с путей природы
И потеряли вехи звезд...
Они ж плывут из года в годы
И не меняют мест...

Теперь летаем мы, как птицы,
Приделав крылья у телег,
И зверь взглянуть туда боится,
Где реет человек.

Леса целуют наши ступни,
Со страхом обползает гад,
И ничего уж нет преступней,
Чем наш безумный взгляд...

И пусть нам с каждым днем послушней
Вода и воздух и огонь,
Пусть ржет на привязи в конюшне
Ильи громовой конь.

Пускай земные брони-горы
Покорно плавятся в печи.
Куем мы крепкие запоры,
А нам нужны ключи.

Закинут крепко синий полог,
И мы, мешая явь и бред,
Следим в видениях тяжелых
Одни хвосты комет.

[1926

НЕИЗДАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

(1930-ые годы)

Ой, как ветер в поле воет,
Как шипит метель...
У закуты головою
    Бьется ель!

И березы полукругом
Подошли к крыльцу:
Хлещут ветками друг друга
    Прямо по лицу!

И лежит ничком, в растяжку
Верба под окном...
И подкатывает тяжко
    К горлу ком! *

(1931?)

Я доволен судьбою земною
И квартирой в четыре угла:
Я живу в ней и вместе со мною
Два веселых, счастливых щегла.

За окном неуемная вьюга
И метелица хлещет хлыстом
И ни брата со мною, ни друга
В обиходе домашнем простом.

Стерегут меня злючие беды
Без конца, без начала, числа...
И целительна эта беседа
Двух друзей моего ремесла.

Сяду я — они сядут на спину
И пойдет разговор — пересвист,
Под который иду я в пустыню —
В снеговой неисписанный лист. *

(1933-34)

Не гадай о светлом чуде
Воскресения не будет!

Ночь пришла: померкнул свет
Мир исчезнул, мира нет.

И не люди, и не бесы
За белесой серой мглой
Кружат в поле из-за леса
На земле и над землей.

Разве ты не слышишь воя?
Слава Богу, что нас двое!
В этот темный страшный час
Слава Богу — двое нас!

Слава Богу, слава Богу,
Двое, двое нас с тобою
Я — с дубинкой у порога,
Ты — с лампадой голубою.

(1935-36)

Как встарь поля твои убоги,
Мой северный, суровый край.
Все также виснет у дороги
Луны пшеничный каравай.

И сотни лет во мгле незрячей
Под сиротливой синевой
К нему уносится собачий
Голодный бесприютный вой.

(1936)

Впереди одна тревога
И тревога позади
Посиди со мной немного
Ради Бога посиди.
Сядь со мною, дай мне руку
Лоб не хмурь, глаза не щурь,
Боже мой, какая мука,
А всему виною дурь.
Ну и пусть с чертой земною
Где-то слиты звезды, синь,
Сядь со мною, сядь со мною
Иль навек уйди и сгинь.
Завтра может быть не вспыхнет
Над землей зари костер,
Сердце навсегда утихнет,
Смерть придет — полночный вор,
В торбу черную под ветошь
С глаз упрячет медяки —
Нет уж лучше в прорубь, нет уж
Лучше к чорту в батраки.
Пусть же здесь, где жемчугами
Убирал я каждый след,
Память сгинет вместе с нами
В омут черных, черных лет,
Но останься ж ты до срока,
Чтоб хранить последний шаг.

Ведь недаром же сорока
Поутру сказала: враг!
Враг, который не забудет,
Мимоходом не пройдет,
Что же — это только будет,
Что же будет, что же ждет?
Черт сидит и рыбку удит
В мутном омуте души,
Знать с того и снятся груди
Счастья чаши и ковши.
Пьешь из них и будто не пил
У судьбы из добрых рук,
Не ступал на горький пепел
Одиночеств и разлук.
Словно сердце — жернов тяжкий —
Никогда еще любовь
Не вертела под рубашкой,
Пеня бешенную кровь.
Будто на душе, на теле
Нет еще ее помет...
Нет тебя на самом деле,
Друг мой, не было и нет.
Но пускай ты привиденье,
Тень твоя иль ты сама
Дай мне руку, сядь хоть тенью,
Не своди меня с ума. *

(1936-37)

Сколько хочешь плачь и сетуй
Ни звезды нет, ни огня
Не дождешься до рассвета,
Не увидишь больше дня!
В этом мраке, в этой теми
Страшно выглянуть за дверь:
Там ворочается время,
Как в глухой берлоге зверь.

(1937)

Как свеча, горит холодный
На немом сугробе луч...
Не страшись судьбы безродной,
Ни тревогою бесплодной,
Ни тоской себя не мучь.
Слезы, горечь и страданье
Смерть возьмет привычной данью
Вечно лишь души сиянье,
Заглянувшей в мрак и тьму.

(1937)

ПРИМЕЧАНИЯ

стр. 29 — *Невеста:* В сб. *Потаенный сад* (1918 и 1919) 3-й и 4-й стих читаются так:

Словно гость, под густые березы
Присядет причесанный стог.

стр. 41 — *"Над низким полем из болота..."*: В ЦГАЛИ (ф.1684, оп. 1. ед. хр. 14) автограф с заглавием "Вечер" и посвящением С.Т. Коненкову.

стр. 44 — *Половодье :* В следующих изданиях после второй строфы есть еще 5 строк:

Побежала за колечком
Быстроногая сестрица
В белом платьице из ситца –
А за ней коса тащится
По ручьям, по быстрым речкам...

Это стихотворение приводится Ширяевым в письме П.С. Поршакову из Чарджуя от 15 октября 1914: "Когда читаешь такие стихи, забываешь, в какой трущобе находишься /.../ Не надеть ли лапти, облечься в армяки и совершить паломничество к Николашке Клюеву и Сергею Клычкову, а?.." (ИМЛИ, ф. 29, оп. 3, №6).

стр. 46 — *Дедова пахота :* "Хлебной крошкой обсорил" – "Пахарь обязательно брал с собой в поле хлеб – в разных видах /.../ Иногда печенье-крест, просфору и другой хлеб крошили, смешивали с семенами и засевали /.../ Хлеб должен был накормить землю, вернуть ей силу, которую она затратила на его производство, и снова возродиться. Это

была жертва перед посевом" (В.К. Соколова, *Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX-начала XX в.*, М. 1979, стр. 147-148).

стр. 55 — *"Была над рекою долина..."* : В *Современном мире* (8, 1912) озаглавлено "Лес" и после третьей строфы идут 20 стихов, не вошедших в следующие издания.

стр. 56 — *Подпасок* : В "Талисмане" первые две строки последней строфы читаются так:

Плывет он и смотрит с опаской,
Что скоро потухнет грудок.

стр. 64 — *"Вся в тумане, в дремоте околица..."* : В *Ежемесячном журнале* (8-9, 1914) озаглавлено "Мать".

стр. 65 — *"Грежу я всю жизнь о рае..."* : Существует 5 вариантов этого стихотворения.

стр. 66 — *"На чужбине далеко от родины..."* : 5-ая строфа приводится Есениным в конце *Ключей Марии*: "Он [Клычков] первый увидел, что земля поехала, он видит, что эта предзорняя конница увозит ее к новым берегам..."

стр. 69 — *Предчувствие* : В "Госте чудесном" (1923) датировано 1914 г.

стр. 79 — *"Люблю тебя я, сумрак предосенний..."* : В "Талисмане", в последнем стихе "увядшего" вместо "угасшего".

стр. 82 — *"Монастырскими крестами..."* : В *Новой жизни* (2, 1922) и сб. "Гость чудесный" (1923) озаглавлено "Русь".

стр. 84 — *"У моего окна такая высь и ширь..."* : В *Новом быте* (2, 1922) датировано 1915 г.

стр.89 — *"Пылает за окном звезда..."* : В *Красной ниве* (28 января 1923) подписано по ошибке О. Мандельштамом.

стр.104 — *"Я мир любил да и люблю..."* : В *Красной ниве* (40, 1927) озаглавлено "Закатный свет".

стр.106 — *"Весной на проталой полянке..."* : В публикациях 1922-1923 с вариантами и с заглавием "Заячья душа".

стр.111 — *Иванушка:* В *Красной нови* (2,1924) имеет только 15 строф, с названием "Иванушка-Аника (Памяти Ленина)", и дано примечание Клычкова: "Салтычиха – легендарная героиня крепостного права. До сих пор в наших местах еще ходят рассказы о ее жестокости: семьдесят крестьянских девушек она довела до безумия, пытая их иголкой, и столько же отправила на тот свет". В этом стихотворении уже определены темы романа *Князь мира*: Салтычиха – прообраз Рысачихи, а Иванушка – Буркана.

стр.131 — *"Пока из слов не пышет пламя..."* : В машинописи (ЦГАЛИ, ф. 602, оп. 1, ед. хр. 1471) имеет эпиграф : "Бе слово..." Машинопись этого стихотворения, как и тех, датированных нами (1928) находится в папке редакции *Красной нови* с пометкой: "За печатание. Вс. Иванов, Ф. Раскольников, 13-1-1929". Из 13 стихотворений, одобренных членами редколлегии, лишь 5 были опубликованы в *Красной нови* в 1929 (№4) под общим названием "Из книги *Седая любовь*".

стр.132 — *"Ко мне мертвец приходит..."*: Речь идет о "сахарном немце" (см. последнюю главу романа).

стр.138 — *"Рыбак, не езди в бурю..."* : Вычеркнуто в папке редакции *Красной нови.*

стр.139 — *"Всегда найдется место..."*: В машинописи (частное собрание) озаглавлено "На смерть Есенина". Клычков считал самоубийство Есенина неудавшейся инсценировкой. Вот его рассказ, приведенный в неизданных воспоминаниях В. Ардова (ИМЛИ, ф.32, оп.3, №3, лл.17-18): "Сережа любил привлекать к себе внимание. Если он месяца два чего-нибудь не начудесит, то непременно говорит: пора, пора, друг, нас уже забывают... надо как-нибудь "пошуметь"... И я вполне уверен, что самоубийство Есенина было задумано тоже как прием для создания очередного шума вокруг имени поэта. Он не хотел повеситься на самом деле! Голову отдаю: Есенин рассчитывал на то, что дружок его Вольф Эрлих (которому посвящены знаменитые строки "До свиданья, друг мой, до свиданья...") вынет его из петли. Поэтому он так поздно и повесился. Он ждал, когда услышит шаги Эрлиха в коридоре гостиницы; тут он сунул голову в петлю... Только он просчитался: в том дальнем отрезке коридора, где был номер Есенина и Эрлиха, ночью возвращался жилец в соседний номер. А Есенин считал, что это может идти только Эрлих, и погиб...

Клычков, повторяю, плакал, говоря это:

– Я тут же по свежим следам обследовал сам это дело. Я нашел тогда человека, который вернулся в смежный с Есениным номер в 3 часа ночи... А Сергей не мог убить себя, не мог!"

стр.146 — *"Сегодня день морозно-синий..."*: В ЦГАЛИ (ф.1684, оп.1, ед. хр. 23, л.4) вариант, первая строфа которого читается так:

Зима пугает потому нас,
Что даже в ледяной мороз
Глядит меж ветками берез
Все тем же синим глазом юность...

стр.161 — *"Ой, как ветер в поле воет..."*: ЦГАЛИ, ф.1684, оп.1, ед. хр.23, л.1

стр. 162 — *"Я доволен судьбою земною..."*: Это стихотворение, как и следующее, любезно предоставлено нам С. Полляком. Датировка не принадлежит Клычкову и она приблизительна.

стр.165 — *"Впереди одна тревога..."*: Это стихотворение, которое "любил О. Мандельштам" (Н. Мандельштам, *Воспоминания*), вспоминает А. Ахматова в беседе с Г.В. Глезкиным (см. предисловие, примечание 4) в таком варианте:

Впереди тревОжная дОрОга,
МнОгО гОря впереди,
О, пОбудь сО мнОю ради БОга,
Хоть немнОгО пОсиди.

"Он и читал так, сильно на О", – говорит А. Ахматова, а Н.Д. Вольпина вспоминает: "Он окал и стеснялся этого, но не хотел искусственно научиться акать. Из-за этого публично не любил выступать".

ПРИЛОЖЕНИЕ

НАБРОСОК АВТОБИОГРАФИИ *

Написать свою биографию не так-то просто: о том, чего не было, но что непременно по сути дела должно бы произойти и если еще не "произошло", то потому очевидно, что не только сам человек, расчетливый и дальновидный, вечно старающийся подобраться к своей судьбе со спины и схватить ее за загривок, но и сама эта судьба нередко ошибается и слишком поздно подчас исправляет свои ошибки, – обо всем таком надо рассказать так, чтобы и тени подозрения ни у кого не осталось, что всего этого никогда не было, хотя, повторяем, очень легко могло бы случиться; из того же, что в действительности было, чему есть подтверждение в живых свидетелях, в метриках, документах и паспортах, необходимо всегда с заботливым вкусом отобрать нужное и характерное, потому что очень многое из того, что с человеком "происходит", вполне могло бы без всякого ущерба для него пройти сторонкой, – обо всем таком надо рассказать так, чтобы все это, в самый серьез с тобой случившееся, не обернулось в представлении читателя в пышные фантазии сочинителя.

Итак: я родился в 1889 году в Чертухинском лесу неподалеку от деревни Дубровок, тут же, как только перейдешь речку Куйминку и свернешь в урочище Глебцово, принадлежавшее тогда помещику Добровольскому. В этом урочище на самом просеке стояла Густая Елка, описанная мной в "Сахарном Немце", около елки, что еще хорошо помнят и сейчас

---

*) *(печатается впервые)*.

дубровские ягодницы, был непролазный малинник: в нем-то меня по неопытности и по молодости своей родительница моя и стряхнула... Не потому ли я так люблю мхи, еловую гущицу и ту душистую лесную сырятину, с тучами комаров и толкушек,[1] от которых с таким недружелюбием утекают дачники?.. Замшарелый чистик,[2] с боговником и куманикой, болото с бородкой осоки у края, с подожками когда-то очень рано зацветали желтые болотные бубенчики, из которых я делал себе "часы", с этакой цепочкой на обе стороны, как у купца, а по зимним метельным вечерам лениво и доверчиво понезадалеку от крыльца пробредали семьями лоси, на которых бабка Авдотья почему-то всегда истово крестилась.

– "Милые же вы мои!" – приговаривала она, крепко держа меня за руку, и провожала их долгим и умиленным взглядом.

Теперь на этом месте совхоз "Первая Пятилетка", лосей что-то давно уж не видно и если пробежит теперь по первой пороше ошалелый от белизны заяц, то редко пожалуй кто примет эту встречу за дурную примету, а если и покрестится по примеру бабки Авдотьи, то совсем не из страха, а из того же умиления перед живой тварью.

Впрочем, правды ради, тут надо сказать по-другому: мужик после войны очевидно на долгое время стал зол и недружелюбен, потому: едва ли умилится, скорее – палкой запустит!

За изгородкой нашего сада, по другую сторону болота от реки Куйминки, по веснам на пашнях токовало не менее пятидесяти пар чернышей, бабка про них говорила, что это птица царя Давыда, почему и похож у нее хвост как бы на вознесенную лиру.[3] Теперь они, черныши то есть, больше токуют у меня на страницах стихов и романов, в нашем месте птица эта теперь редкая. Сам я эту птицу – какую удивительную болтовню (но увлекательную!) поднимет она, бывало, у окон по гулким весенним предутриям, когда вненарок выбежишь из избы за нуждой! – эту птицу люблю я больше всех остальных, если не считать птицы сороки, но об ней на сей раз лучше помолчать, потому что история с сорокой и в самом деле больше похожа на досужую выдумку,[4] мне же и без того грустно, что люди мне верят только по большим праздникам!

Но теперь мне легче исправиться: ни сорок, ни тетеревов я уже не вижу, живу, как говорил, в хорошей дачной местности, Дубровки созерцаю только по оставшимся на память фотографиям, и читатель сам легко [*продолжение утрачено*]

---

[1] толкушки : рой или столб мошки, которая толчотся на воздухе, в теплые вечера, после дождя, толкачи (Даль). *Прим. ред.*

[2] *чистик* : место, где лес вырублен.

[3] см. "Черныш – чудная птица..." (стр. 134).

[4] см. гл. "Феклушин сон" в романе *Чертухинский балакирь* (из трилогии *Сорочье царство*).

СОДЕРЖАНИЕ

ДУБРАВНА (1918)

ДОМАШНИЕ ПЕСНИ (1923)

ТАЛИСМАН (1927)

В ГОСТЯХ У ЖУРАВЛЕЙ (1930)

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ

НЕИЗДАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ (1930-ые годы)

Imprimerie de la Manutention à Mayenne – 5 juin 1985 – N° 9106

"ИЗБРАННАЯ ПОЭЗИЯ"

Полные собрания сочинений поэтов безусловно необходимы. Но не каждому они доступны, и часто, за полнотой, широкому читателю трудно разпознать основное. Серия "Избранная поэзия" ставит себе целью дать в пределах приблизительно 100 стихотворений самое главное из широкого наследия лучших русских поэтов. Для поэтов XX века составители, по мере возможности, будут приближаться к тому "идеальному" выбору, который соответствовал бы желаниям автора.

Вышли из печати:

1. Осип Мандельштам (составитель Н. Струве)
2. Зинаида Гиппиус (составитель Т. А. Пахмусс)
3. Сергей Клычков (составитель М. Нике)

Готовятся:

4. Борис Пастернак (составитель Л.С. Флейшман)
5. Николай Клюев (составитель Б. Филиппов)

ISBN 2-85065-068-4